

Игорь Аладин
Сергей Филиппов

Бендеры: розы в крови...

Бендеры
«Полиграфист»
2025

ББК 84(4 Молд-П)6

А 45

Авторы выражают искреннюю благодарность
за участие в издании книги:
журналисту Крамаренко Инне Сергеевне
и редактору Дружининой Марии Геннадьевне

Аладин Игорь, Филиппов Сергей.

А 45 Бендеры: розы в крови...: – Бендеры, 2025. – 100 с., ил.

Книга рассказывает о событиях июня 1992 года в Бендерах. Честно, без прикрас, участники тех событий подробно описали хронику военного лета, свои чувства от первого лица. Книга рассчитана на широкий круг читателей, неравнодушных к истории своего родного многонационального приднестровского края.

ББК 84(4 Молд-П)6

Пролог

Когда гремят выстрелы и рушатся стены, когда небо заволакивает чёрный дым, а земля становится багровой – тогда человек остаётся один на один с войной.

Война заполняет всё.

Становится воздухом, которым тяжело дышать.

Становится сном, от которого невозможно проснуться.

Она впечатывается в душу, оставляя шрамы – глубокие, не заживляемые ни временем, ни тишиной.

Приднестровская война – это не просто дата в календаре. Это боль, хлынувшая в самый красивый город – Бендеры.

Город, утопающий в зелени и розах. Розы здесь росли даже в трещинах асфальта. Здесь утро пахло не гарью – а летом.

А потом пришла война. И кровь – настоящая, тёплая – впиталась в землю, в корни роз, в булыжники улиц, в воздух над Днестром.

Это книга – не просто повесть. Это свидетельство. О том, как выглядит война глазами тех, кто не читал о ней – а жил в ней.

Не подвиг, не парад – а вихрь, который не щадил никого.

Здесь будет всё: кровь, слёзы, и улыбка сквозь боль.

Здесь – розы, растущие на пепле.

Здесь – воспоминания, которые обожгли наши сердца и до сих пор горят.

Это не текст. Это голос. Голос памяти. Теперь вы его услышите.

Глава 1. Оборона исполкома

Город миллиона кустов роз – Бендеры...

Город, где лето обнимало каждый уголок, а воздух наполнялся сладким ароматом роз. Здесь, среди цветущих аллей и уютных палисадников, время словно замедляло свой бег, позволяя насладиться каждым мгновением. Розы были везде: на больших ухоженных клумбах, вдоль аллей, у подъездов в каждом дворе...

В городе пахло не бензином – розами. Ветер с Днестра приносил свежесть, дети бегали по дворам, старики с шахматами сидели в тени. Был июнь. Было тепло. Было мирно.

Первые выстрелы

19 июня 1992 года, полдень.

Мы с друзьями были на даче в Меренештах, у реки. Кто-то нежился на солнышке у воды, кто-то с азартом рвал сочную клубнику – в тот год она уродилась сладкой, крупной, словно природа решила в последний раз побаловать нас.

И вдруг – бац! Где-то вдалеке, словно гром среди ясного неба. Потом ещё. Мы переглянулись. Вроде ничего особенного – в то время в республике уже бывало, что «щёлкало» где-то на окраине, особенно в районе Дубоссар. Но тут стрельба не стихала – наоборот, нарастала. Она приближалась.

Через несколько минут к нам подъехал брат одного из друзей – лицо пепельное, голос срывается:

– В центре стреляют. Жёстко. Не шутки.
Женщин и детей – в машину, по домам. Стало тревожно.
Сердце, как собака перед бурей, заныло. Мы сели в «Жигули»
и поехали в Бендера.

Город меняется

Проехали до художественной школы на улице Кавриаго.
Смотрим – на углу стоит знакомый. Виктор. Мы к нему – узнать
хоть что-то. Он говорит:

– Пойдёмте ко мне. День рождения у меня...

Во дворе – стол, выпивка, закуска. Лето. Пятница. Вроде
всё как всегда. Только радио работает без перерыва, и фоном
– та-та-та... выстрелы. Недалеко. Всё ближе.

В какой-то момент по радио прозвучало:

– Внимание! Будьте осторожны. Пропускайте машины ско-
рой помощи.

И вот тут пришло понимание: **что-то началось**. И это что-то
– уже не «где-то там», **а здесь. У нас.**

Первые шаги на войну

Пошли в сторону исполкома. По пути встретили Серёгу Фи-
липпова – с братом и собакой. У 8-й школы – КамАЗ перего-
родил дорогу. Стоит милиционер. Спрашиваем:

– Что происходит?

Он пожимает плечами:

– Нас подняли, велели перекрыть улицы. Больше не знаю.

Посоветовал идти в рабочий комитет – мол, там знают. А в
городе тогда, на фоне всех митингов и забастовок, на каждом

заводе был свой рабочий комитет. Централизованный находился на Советской, недалеко от исполкома. Туда мы и направились.

В штабе – хаос. Кто-то звонит, кто-то орёт, кто-то бегает с бумажками. Мы сказали:

– Если это нападение на город – дайте оружие. Мы готовы.

Нам:

– Здесь ничего нет. Идите в казарму гвардии. Она за железной дорогой. Там точно знают, что делать.

Связи нет. Времени нет. Выбор только один – идти.

Мы двинулись. На улицах – тревога. Но пока всё держится. Люди выглядывают из окон, дети жмутся к матерям. Мирный город – на грани. И в воздухе уже **не пахнет розами**.



Глава 2. Патруль в засаде

Мы шли втроём – я, Сергей Филиппов и Виктор Бороденко. Улица казалась чужой, как будто время остановилось, замерло между двумя ударами сердца. Воздух был плотным, пропитанным жарой, пылью и чем-то ещё – тревогой, которая разливалась в груди, как яд.

Цель была одна – казарма бендерского батальона гвардейцев. Тогда Приднестровье не имело полноценной армии, но была **гвардия** – плоть от плоти тех, кто остался защищать родную землю. Была и память – об отцах, что в сорок пятом гнали фашистов с этих улиц. Была кровь, что только собиралась пролиться.

Прямой путь мы сразу отмели – чересчур открыт, чересчур на виду. Мы выбрали улицу Ленина. Потом – железная дорога, переход в районе улицы академика Фёдорова. Оттуда – вдоль полотна. Город, словно затаившийся зверь, шептал сквозняками в подворотнях:

– Не лезьте...

Переход через территорию железнодорожного депо стал точкой невозврата.

Асфальт прогревался на солнце, дрожал маревом. Было тихо. Чересчур. До тех пор, пока из-за ржавой трансформаторной будки, поросшей бурьяном и крапивой, не вышли **они**.

Сначала – один, в гражданском. Кепка, нашитый ромб. За ним, в зарослях, – силуэты. Камуфляж. Автоматы. Молча.

Мы замерли. Пальцы сжались в кулаки сами собой. Серёга глотнул воздух, Виктор шагнул ближе, будто хотел закрыть нас собой. **Не наши**. Но и не сразу враждебные. Пока.

— Вы кто такие? Куда идёте? Документы есть?

Русский язык с жёстким молдавским акцентом резал уши, как пилой по живому.

Мы поняли: одно неловкое слово — и на этом закончится наша история. И семьи будут искать нас неделями. А потом, может быть, найдут в яме. **Или не найдут вовсе.**

Голос во мне был чётким: **ври. Ври, спасайся. Не геройствуй.**

— Мы не в курсе, что тут происходит. С Днестра возвращаемся. Отдыхали. У жены, — показываю на себя, — день рождения был недавно. Идём доедать, допивать. Дом рядом. В ходильнике бутылка вина и закуски полные полки. Ну, сами понимаете...

Я достал паспорт. Чехова, улица. Недалеко.

Он посмотрел, прищурился. Слишком долго. Мне показалось — сейчас кивнёт кому-то в зарослях, и нас положат в траву лицом вниз. Но — нет. Видимо, «выхлоп» после пикника сыграл свою роль. Поверил. Или не поверил, но решил:

— Пусть идут. Ещё вернёмся к ним.

— Ладно. Только по дороге — никуда. Ни шагу в сторону. Поняли?

Поняли.

Мы шли дальше, стараясь не оборачиваться. Позади — заросли, будка, автоматы. Впереди — казарма. И, как выяснилось, **первая черта, за которой начиналась настоящая война**. Потому что если бы мы тогда проговорились... Если бы сказали, куда идём...

Нас бы не было. Ни этой истории. Ни этой книги.

Глава 3. Мужик на БАТе

Подходим к казарме второго батальона гвардии. Ворота закрыты. Тихо, как перед бурей. Возле ворот стоит мощная инженерная бронированная машина – **БАТ**. С виду – настоящая машина, сделанная на базе танка: с ковшом, с лебёдкой, путепрокладчик. Такое чудовище, что если поедет напролом – мало не покажется никому.

Рядом, почти у самого забора, – бронетранспортёр. Видно, **молдавский**. Колесо разворочено – будто его кто-то лопатой тяпнул.

Подходим ближе, начинаем стучаться. В ответ из люка БАТа выглядывает мужик. Глаза прищурены, лицо в копоти. Смотрит на нас, как на призраков.



Тягач гвардейцев ПМР, таранивший бронетехнику РМ

— Чего, мужики, стучим? — хрипло спрашивает. — Проход закрыт. Идите своей дорогой.

Я ему в ответ:

— Нам к Павлику Верховцу. Он тут у вас связистом. Родственник. Надо поговорить.

— Верховец? Ладно, подождите...

Павлик — это мне почти как брат. Муж сестры моей жены. Свояк. Служил в этом батальоне связистом. Мы с ним в нормальных отношениях были всегда, без церемоний, по-простому.

Нас провели. Приоткрыли калитку, мы вошли внутрь.

Внутри здания снова тормозят:

— Куда? К кому?

А тут и сам Павлик по лестнице спускается. С автоматом на груди, в глазах напряжение, но, увидев нас, сразу лицо меняется. Узнал. Улыбнулся краем губ:

— Ну, здорово, родня. Как вы тут?

Мы ему — сразу:

— Что в городе творится, расскажи?

Он с досадой качает головой:

— Пацаны... В город входят со всех сторон. Наши отслеживают, слушают эфир — одна **молдавская речь**. Я бы вам не советовал тут задерживаться. По-моему, кранты намечаются. Всё это похоже на конкретную операцию. Они стягивают силы, серьёзно.

— Так что, бросать всё и домой идти? — спрашиваем.

— Я на службе, мне куда деваться. А вы... — и тут он замолчал, а потом тихо, по-свойски: — Если решите остаться, я попробую похлопотать. Но сразу говорю: оружия не хватает. Всем не достаётся. Вам — подскажу, что и как.

Мы переглянулись. Домой – не вариант. Уже всё внутри кипело. Решили: **остаёмся**. Хоть палкой махать, но будем сражаться.

На улице начинало темнеть. Где-то половина восьмого. И тут случилось то, что вонзилось в память навсегда.

Подъехал КамАЗ. Задом сдал к подъезду. Мы смотрим – из подвала начинают выносить тела. Завёрнуты в одеяла. Пять, может, семь человек. Погибшие.

– Кто это? – спрашиваю.

Павлик вздыхает, сдерживая ярость:

– **Мирные**. Гражданские. Сидели у подъезда на лавочках. Автобусы ещё ходили, люди не знали, что творится. А эти... – он сплюнул, – **молдаване, со стороны Протягайловки** колонной вошли. Должны были свернуть возле больницы, а пошли напрямую – как раз на перекрёсток к нашей казарме.

Дежурил часовой. Он увидел колонну, понял – не наши. Бросился через дорогу, чтобы тревогу поднять. А они – с **пулемёта, крупнокалиберного**. Без разбора. В людей, в дома, в окна, по улице. Началась паника, стрельба. Мирных просто выкашивали. Всё, что двигалось – под пули.

И тогда в дело вступил **мужик на БАТе**. Он не думал. Завёл машину, нажал на газ – и прямо в колонну.

Первый БТР протаранил с размаху. Ковшом в бок – отвалилось колесо, и вся эта броня завалилась на бок, как дохлый жук.

Остальные броневики в панике – кто назад, кто врассыпную. Бойцы выскочили из подбитого, побросали всё – и в кусты.

Гвардейцы сразу зацепили БТР, уволокли к себе. Первый трофей. Потом в нём нашли удостоверение **румынского офицера**. Вот так вот.

А КамАЗ, что подъехал, потом обстреляли. Не доехал он до больницы. Пришлось тела снова спускать в подвал пятиэтажки, где размещалась наша казарма.

Я тогда стоял, смотрел, как под одеялами несут убитых, и во мне что-то оборвалось. **Гнев, боль, злость** – всё в один комок.

И понял – **никуда я не уйду. Никуда**. Это мой город. Моя земля. Мои люди.

И кем бы они ни были – с **румынскими корками** или с **белыми ромбиками на кепке** – сюда они не пройдут. **Не должны**.

Глава 4. Три десятка добровольцев

Эту первую ночь войны мы провели на четвертом этаже бывшего общежития технического училища, недалеко от казармы гвардии. И с нашего балкона мы наблюдали за взрывом в районе Бендерской крепости. А расстояние до крепости довольно значительное.

Город у нас сравнительно небольшой, зародился он на месте Бендерской крепости.

Я почему так подробно останавливаюсь на крепости? В советское время там стоял ракетный полк, где находились ракеты СС-20, способные нести ядерные головки. В тот момент мы не знали, вывели ли их из крепости или нет, и этот взрыв напугал всех. Лишь чуть позже мы поняли, что это рванули огромные цистерны с ГСМ. Но сам взрыв был колоссальным. Город обстреливали, и снаряд попал и в крепость, где находились военнослужащие 14-й армии. Коллизия заключалась в том, что тогда президент РФ, запретил российским войскам вмешиваться в конфликт, и это добавляло напряженности в ситуацию.

Город был на грани, обстрелы продолжались повсюду, а мы, словно в безопасной крепости, ждали своей участии.

Светало. Команда построиться пронзила тишину, как нож. Замкомандира батальона Дзюба вышел к нам, его глаза горели решимостью. Он вдохнул в нас уверенность, как будто каждое его слово было зарядом для сердца.

– Город захвачен, – произнёс он, и в его голосе звучали глухие удары колоколов тревоги. – Остаёмся мы, исполком и рабочий комитет. Исполком держится. Нам нужно 20–25 до-

бровольцев, чтобы доставить боеприпасы. Это – ваше ответственное дело.

Среди нас, около 40–50 человек, нашлось 30 смельчаков, готовых рискнуть всем. В оружейке мы получили автоматы. Их не хватало на всех. Первым выдали тем, кто служил, кто был помоложе и у кого были паспорта. Всего 29 автоматов. На каждого – по автомату и два рожка. Мы просили больше, но сколько есть – столько есть.

Что касается службы в армии, то получилось так, что я и Серега Филиппов вместе прошли Дальний Восток, охраняя границу с Китаем, но в разных частях. Учёба была жёсткой, но эффективной. В нашем батальоне техники было столько, что казалось, целая дивизия могла бы сойти с ума от количества «Уралов» и ЗИЛов с орудиями. Я, окончив учебку, будучи механиком-водителем БТР-50, попал в кадровую дивизию, где было мало солдат и больше офицеров. Солдаты обслуживали и охраняли технику, находившуюся в технических парках, поэтому в караул заступали буквально через день. Это означало, что набивать магазины патронами становилось каждодневной рутиной. Вечером мне давали оружие и три рожка – и за два года службы стрельба стала частью меня. В тот июньский день в Бендерах, когда я взял автомат в руки, все навыки вернулись, словно это было вчера.

А Сергей служил в батальоне поддержки пограничных войск на китайской границе, был старшиной и заместителем командира взвода разведки. Он принимал участие в пресечении мелких конфликтов и провокаций, имел опыт ведения боя, но там были сопки, а тут – городская застройка. Эти различия в опыте и подготовке придавали нам уверенности, но и вызывали тревогу перед тем, что нам предстояло. Мы знали, что

каждый из нас должен был быть наготове, ведь теперь мы стали частью чего-то большего, чем просто защита города – мы защищали свои дома и близких.

Теперь, с автоматом на груди и отчаянием в сердце, я думал: «Ну, посмотрим, кто кого». Словно в воздухе витало ожидание неизбежного сражения, и я знал – впереди нас ждёт нечто большее, чем просто бой. Это было испытание, которое проверит нас на прочность.

Глава 5. Первая потеря

Раннее утро. Холодно, хоть и лето. Промёрзли до костей – не от погоды, от неизвестности. Построение под рассвет. На три ящика патронов – три десятка человек. Шесть выстрелов к гранатомёту. Самого гранатомёта – нет. В исполнение. Наша задача была доставить к исполнению гранаты и боеприпасы для его защиты.

– Может, хоть по ручной гранате каждому?

– Ничего не положено.

Стоим, смотрим друг на друга. Кто-то нервно курит. Выбрали старшего – вроде сержант. Я – ефрейтор. Ну ефрейтор – и что? Сейчас всё стирается, кроме одного: оставаться в живых.

Собрались, проверили оружие. Пошли.

Серёга шёл рядом, хмурый, молчаливый. Мы уже почувствовали запах настоящей войны – взрослой. Не учения, не стрельбища. Вчера нас чуть не разнесло патрулём. Уцелели чудом. И теперь – любой шаг мог быть последним.

Говорим тихо, будто город может услышать:

– Если ломанёмся через депо – попадём под тех, кто уже нас ждал.

– Ага, – кивает он. – Прямо в мясорубку.

Местные парни показали путь. Дворы, щели между гаражами, изгороди. Всё как в детстве, когда от соседей прятались. Только теперь на кону – не подзатыльник, а жизнь.

Химбат, российское подразделение, стоял ближе к улице Тираспольской. Мы надеялись: если что – достанем тряпку, махнём, скажем: «Свои!» – не станут по нам палить. Так думали.

Шли часа два. Ползли, скорее. Ни шагу по открытому. Всё по кромке, по теням. Под ногами – жёлтая пыль, сорняк, сухая трава. Я невольно вспомнил сцены из фильма «Они сражались за Родину» – такая же безмолвная решимость в глазах, такая же пыль, бурьян и дорога сквозь неизвестность. Воздух будто гудит от напряжения – не слышно, но чувствуешь каждой клеткой.

К семи вышли к улице Кирова. Решили пробежать. Первые – молодые, порывистые – рванули вперёд. Мы, с ящиками, – за ними. Вдруг – треск автоматной очереди. Стреляют! Прямо по нашим.

- Откуда?! – закричал кто-то.
- Химбат... Это не свои!

Поздно. Они устроили засаду: посреди квартала, ближе к Тираспольской улице, навалили деревьев, бочек, покрышек и перекрыли её, чтобы держать Химбат. А мы оказались у них в тылу – как на ладони. Нас ждали. И не просто ждали – они, как и мы, учились воевать в советской армии. Знали, где встать, как стрелять.

Костя Козлов – старший – достаёт красную тряпку, машет. И в этот момент раздалась очередь. Он чудом не погиб – успел метнуться обратно в калитку. Позже мы поймём: та баррикада, что стояла поперёк улицы, была выставлена вовсе не против нас. Она перекрывала путь колонне российских войск – нападавшие надеялись, что русские не станут стрелять. А мы... мы оказались у них в тылу. В ловушке.

Первая группа наших бойцов уже перебежала улицу. И именно тогда, когда из-за домов побежали наши парни с ящиками боеприпасов, началась настоящая стрельба. Лавина огня. Очереди били по асфальту, по заборам, по воздуху.

Ящики боеприпасов были брошены на дороге, как забытые посылки. Завязался бой.

– Бежим! – рявкает Серёга.

Рвёмся вперёд. Стреляем на ходу – просто чтобы огонь сбить, чтобы другие прошли. Кувыркаемся через улицу, влетаем в колею – там грузовик продавил глину, как окоп. Сердце колотится, будто сейчас вырвется наружу. Живы. Вроде.

Сзади – короткий стон:

– Мужики... Меня...

Миша. Миша Коваленко. Хромал. Не добежал.

Пуля – в шею. Пробила артерию. Он держится за рану, а из-под руки – струя. Кровь, как из шланга, метра на полтора. Лицо белое, как простыня. С каждым вдохом – струя. С каждым выдохом – меньше жизни.

– Надо вытаскивать, – шепчу Серёге.

Укрыться негде. Тротуар – простреливается. Нам – патронов жалко. У них – сыпят, как на учениях. Мы – в прицеле. Но не бросать же друга.

Поднимаемся. Один рывок – и можем лечь рядом. Переворачиваем Мишу на спину, чтоб лицо не сдирать об асфальт. Захватываем автомат. Тянем. Пули чиркают по асфальту. Прягаем в подворотню. Захлопывает нас, как дверью.

Серёга сидит рядом, дышит тяжело. Миша – бледный. А кровь всё льётся. На землю. На нас. На его куртку. На руки. Живой ещё. Один из тех, кто перебежал первым, молодой парень, Саша, попытался помочь... Мы все пытались – но кровь лилась слишком быстро. Слишком много. Это были последние Мишины минуты.

Это и была первая потеря. Не в статистике. В жизни. У нас.

Мы стучали в двери, прося вызвать скорую помощь, но нам отвечали, что телефон перегружен. Мы понимали: время на исходе. Миша к тому времени уже не дышал. Мы нашли два пятака и положили ему на глаза, которые не закрывались. Накрыли его тело покрывалом, висевшим на улице, и попросили людей дождаться скорой, сказав, что он просто прохожий. Мы же все без формы были, все по гражданке.

Самое страшное было пройти следующую улицу. Каждый шаг отдавался в сердце, как тяжелый удар молота. Мы поняли, что попали в серьезную переделку, и это знание давило, как камень на душе. Один из нас уже убит, и эта мысль отправляла воздух вокруг. Автомат Миши, который не успел расправить свои крылья в бою, мы передали парню, у которого не было оружия.

В нашей группе не всем повезло – кто-то был без паспорта и не получил оружие, кто-то служил в стройбате и оружие видел лишь на плакатах. Но среди нас был Игорёк, семнадцатилетний парень с горящими глазами. Он отлично знал, как устроен автомат, и именно ему мы отдали Мишин ствол. Словно передава-



Памятный знак ополченцу Коваленко Михаилу Петровичу, погившему на этом месте 20 июня 1992 года

ли частичку себя, часть уже нашей истории, которая теперь зависела от него.

Перед этим мы отмыли автомат от крови под струёй холодной воды во дворе. Это было как ритуал омовения, который не смог стереть ужас, но давал надежду. В ту минуту, когда он взял оружие в руки, я увидел в его глазах страх и решимость. Теперь он был не просто мальчишкой, а частью нашего братства.

Глава 6. «Сейчас повоюю – и приду»

Превозмогая страх, мы перебежали улицу Коммунистическую. Асфальт под ногами казался зыбким, как будто земля сама не хотела держать на себе всё, что здесь происходило. Мы снова шагали сквозь кварталы – знакомые, родные, но теперь чужие и мертвенно молчаливые. В этих пятиэтажках ещё вчера кипела жизнь – дети на качелях, запах жареной картошки с балконов. А теперь – ни души, будто весь район вымер, провалился под землю, оставив лишь стены с пустыми глазницами окон и цветущие клумбы роз...

Среди нас был Рома, еврейчик, крепкий парень с задорным смехом и вечными анекдотами. Его невозможно было представить серьёзным. И вот, как раз подходим к его дому. На втором этаже открывается балкон, и оттуда – крик:

– Роooma! Ты куда? Оно тебе надо?! Я вот-вот рожать, а ты где шляешься?! Домой иди, слышишь?!

Крикнула жена. Тёща тут же подхватила. Рома остановился, поднял голову, махнул рукой:

– Сейчас повоюю и приду, — ответил он, и в его голосе звучала непоколебимость, смешанная с иронией.

Пройдя через дворы пятиэтажек, вышли между двух домов, на улицу Лазо. Напротив, во дворе между двух четырёхэтажек, с автоматами наперевес, сидели пацаны, тоже в гражданке. Пыльные, измученные, глаза – как у волков.

– Мужики! Кто вы такие?

Мы в ответ:

– А вы кто такие?

— Мы с «Прибора» (Это военный завод). Дайте хоть патронов!

Открываем ящик и даём каждому по 30 штук.

Разговор короткий, по делу. А там уже лежал их товарищ, распластавшийся под кустом сирени. Лицо серое, будто из гипса. Глаза открыты, но уже не смотрят. Мы поняли — хлебнули они здесь по полной.

Теперь главное — попасть в исполком. Весь отряд, гуськом, прижавшись к стене, начал продвигаться к торцу дома. Перед нами — открытое пространство: пустая площадка между Преображенским собором и четырёхэтажкой. Нервы натянуты, как струны. Мы знали: один неверный шаг — и станешь частью этого серого асфальта.

Перебежав во двор исполкома, мы увидели картину, от которой сердце сжалось. Гражданские. Женщина в светлом платье, седой старик, мужчина лет пятидесяти... У него из авоськи выкатился хлеб и так и остался валяться рядом, пылью припорошенный.

Хлеб. Так не должен лежать хлеб. Он должен быть на столе. А его хозяин — за этим столом, дома, с семьёй. Но это была война. И хозяин хлеба уже никогда его не поднимет...

Вбежали в подвал. Пахло гарью, потом и пыльной штукатуркой. Там находился класс гражданской защиты. Нас уже ждали. Командовал обороной подполковник Атаманюк — человек с лицом каменного стражи. Позже он станет министром обороны ПМР. А сейчас — просто один из нас. Притащил он гранатомёт — РПГ-7, с деревянными ручками. Где его сделали — неясно, но выглядел он так, будто собирали его в чём-то гараже на коленке. У нас было к нему шесть гранат. Ни много, ни мало — шесть попыток выжить.

– Кто умеет стрелять? – спросил Атаманюк.

Серёга шагнул вперёд:

– Я. В армии учился. Вторая специальность – гранатомётчик.

Я вызвался быть вторым номером. Прикрывать, помогать заряжать. Страшно? Страшно. Но кто-то же должен.

Атаманюк сообщил, что из рабочего комитета позвонили

– командир второго батальона Юрий Костенко просит хотя бы ящик патронов. Надо перебегать через площадь. А на площади уже лежат десятки тел. Женщины, дети, старики. Просто мирные люди, которые не успели убежать. А на крыше гостиницы «Днестр» – снайпер. Он не просто стреляет – он выискивает. Он убивает не ради победы, а ради удовольствия. Мы это чувствовали.

Сделать перебежку? Мы не камикадзе. Мы – ополченцы. Пришли защищать, а не умирать по глупости. Полтора ящика патронов – всё, что у нас было. Мы отказались.

Тогда кто-то из ребят сказал:

– Давайте хотя бы запишем, кто мы. По именам мы друг друга знаем, а фамилии? Мы же пропадём, и никто не вспомнит...

Документов у нас не было – паспорта отдали при получении автоматов. Вскоре пришла женщина, секретарь, взяла на себя эту задачу, составила список. Мы смотрели, как она прячет его в надёжное место, словно это был клад, который может спасти нас.

Но в тот момент никто не знал, что этот список так и не найдут. Он стал частью истории, как и мы, – забытыми именами, растворившимися в хаосе войны.

Сидели в подвале мы недолго. Каждый выстрел, доносящийся издалека, заставлял сердца биться быстрее. Была поставлена задача: подняться на этажи и равномерно занять кабинеты,

вести огонь по противнику короткими очередями, экономя патроны... Все понимали, скоро будет штурм здания исполкома, это было неминуемо, и, если враг захватит главное административное здание города, то парализует работу города и полностью деморализует защитников и жителей...

– Мы должны быть готовы, – произнёс кто-то, и его слова прозвучали как мантра, которая возвышала нас над страхом.

Серёга, мой друг, смотрел на меня, и в его глазах я увидел отражение того же страха и решимости. Мы были здесь не просто так. Мы пришли защищать наших друзей, нашу страну, нашу жизнь.

И в этот момент, среди мрачных теней подвала, я почувствовал, что мы не одни. Мы были братством, и в этом братстве была сила, которая могла преодолеть страх. Мы готовы были сражаться за свою жизнь, за своих близких, за будущее, которое ещё можно было спасти.

Глава 7. Гранатомёт

Пора наверх. По своим каналам мы узнали: молдавским силовикам стало известно, что в исполнение людей осталось мало. Штурм запланирован на полдень. Они бы не узнали, что мы успели подбросить подкрепление, если бы кто-то особо ретивый не вещал об этом прямо в эфир – докладывая в Тирасполь, будто диктор с фронта: «Прибыло двадцать восемь человек, два ящика патронов, гранаты к гранатомёту». Хорошо хоть, прозвучало это с опозданием.

Около девяти утра. Противник действует грамотно. Медленно, нагло и с расчётом. Из-за угла на Калинина выходит бронетранспортёр. Переваливается на Ленина и – длинная очередь из крупнокалиберного. Он стреляет в окна, будто расчищает проход не для людей, а для призраков. Стены вздрогивают, куски кирпича и штукатурки летят во все стороны. Один отстрелялся – откатывается, второй на его месте. Всё как по учебнику.

Мы с Серёгой переглянулись. Пора заканчивать это представление. У нас – тираспольский гранатомёт. Гранаты есть. Значит, будем работать. Серёга быстро оценивает обстановку, забирается в угловую комнату на верхнем этаже. Позиция – что надо: обзор отличный, но узко. Опасно.

Гранату вставляют в трубу, снаряд глухо щёлкает, будто взводится злость. Ты выглядываешь из окна или из укрытия, жмёшь – и топливо в снаряде воспламеняется. Из задней части трубы вырываются раскалённые газы. Граната уходит к цели. Попадёт – будет вспышка, будет огонь, будет крик. Всё просто. Только дьявольски опасно стрелять в помещении: если стена близко – тебя же и обожжёт.

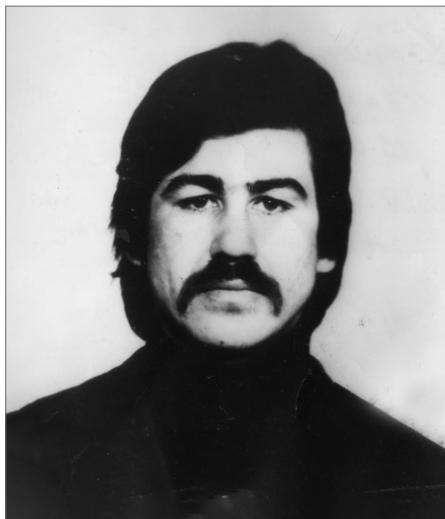
Василий Каражеляснов, болгарин, аккуратно отодвинул мебель с документами, всё пытались сохранить.

Сергей кое-как устроился. Велел нам уйти: «Сзади не стойте! Спалит!» Мы выскочили. В этот момент – БАХ! – и... мимо. В стене зияет чёрная, обугленная дырка – то была работа не самой гранаты, а её заднего дыхания.

Противник понял, что по ним стреляют из гранатомёта. И тут же – тишина. Редкая, напряжённая, звенящая. Время – около десяти. Офицеры у них, видимо, закусили губу: гранатомёт – это уже серьёзно, техника может гореть, и не один БТР. Наверняка приказали: «Найти стрелка. Убрать». Самый простой способ – пробить ту же самую комнату из их гранатомёта. Началась настоящая дуэль.

Мы понимали: надо уходить. Позиция себя исчерпала. Сёргёга сказал всем: «Не суйтесь туда!» Но разве объяснишь? Остановишь? Через

пять минут кто-то из наших сгонял туда, полез к окну с автоматом, дал очередь. А напротив уже сидел снайпер. Один щелчок – и всё. Каска отлетает, как мячик, мозги вместе с ней. Мы замерли. Смерть промчалась, как молния, и растворилась в пыли. Так погиб еще один наш ополченец, Васютович Иван Павлович.



Васютович Иван Павлович
(беларусс)

После короткой паузы снова появляется БТР. На этот раз он не геройствует. Осторожничает. Высунется – плюнет очередью и назад. Боятся. Мы видим это. И нам становится ясно: надо выманивать.

Устроились в какой-то приёмной, на третьем или четвёртом этаже. Серёге нашли каску. Обычная, армейская, старая, с вмятиной. Поверх – болоньевая куртка.

Я выскакиваю в коридор за дубовые двери – массивные, крепкие. Жду выстрела. Нет выстрела. Приоткрываю дверь – тишина. Проверяю заряд – всё нормально. Почему не сработал? Странно. Может, осечка?

Серёге надо высовываться по пояс, чтобы целиться. Нельзя так. Опасно. Но он всё равно вылезает. Я отползаю на карачках. Снова – ничего. Молчит гранатомёт. Бракованная? Они же на складах двадцать лет валялись, эти гранаты. И сам гранатомёт – как из музея.

Меняем заряд. Я хватаю гранату из коридора – у стены у меня ещё штук пять лежат. Притащили, вставили. Заняли позиции. Я отползаю. И тут – взрыв! Из-за того что Сергей вылезал из одного и того же окна несколько раз, враги тоже ударили по нему из гранатомёта, из здания напротив, но попали в подоконник, и взрыв разворотил оконный проём...

Пламя, грохот, и – будто кино. Воздух сжался, кислород сгорел, двери распахнулись сами по себе. Меня вышвыривает в коридор – и снова затворяет дверь. Я лежу, в ушах звенит. Всё как в тумане. Наверное, умер... Вдруг кто-то кричит:

– Раненый! Раненый!

О! Слыши! Значит, жив! Открываю глаза – всё белое. Неужели ослеп? Нет... Штукатурка. Белая. Я жив.

Поднимаюсь. Ребята бегут ко мне:

– Где Серёга?

Я киваю на дверь:

– Сейчас гляну.

Двигаюсь к ней на четвереньках. Страшно. Страшно представить, что увижу: куски мяса, кровь на стенах...

Но нет. Открываю – и вижу Серёгу, его контузило, но он успел вжаться в угол комнаты и поэтому остался жив. Вижу как Серёга, упрямый, словно дух боевой, в четвёртый раз лезет в это же окно. Каска на голове, куртка сбилась на плечо. Он целится. Пуск. Взрыв.

Граната попадает между вторым и третьим колесом БТРа. Машину дёргает, будто её схватили гигантскими клещами. Она загорается, хрипит и медленно заваливается на бок.

Серёга орёт:

– ПОПАЛ! ПОПАЛ!

А я ему –

– Серёга! Валим! – в этот миг понял, что время не ждёт. Мы не могли оставаться здесь, в этом аду, где каждый момент мог стать последним.

Глава 8. Средство от контузии

За зданием исполкома находился Преображенский собор. Он словно щит, прикрывал наш тыл. Глядя на его купола, мы чувствовали опору – как будто сам Бог рядом, не оставил.

Хотя эти нелюди – безбожники, и по нему стреляли. Из всего, что у них было: и из пулемётов, и из автоматов, и из гранатомётов.

Без страха, без совести.

Но храм стоял. И мы стояли.

Мы посидели немного в коридоре, стараясь прийти в себя. Голова гудела, как после тяжёлой вечеринки. Внутри меня росло беспокойство за Серёгу – он плохо слышал и его шатало, и я предложил:

– Давай спустимся в подвал, может, найдём аптечку.

Спустившись вниз, мы столкнулись с картиной разрушения: вход в здание был весь разбит, словно его кто-то пытался ра-

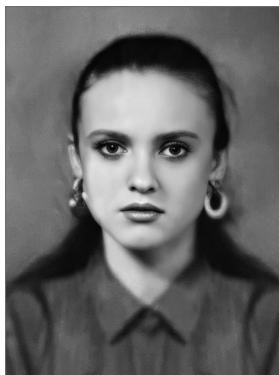


зорвать на части. В подвале прорвало канализацию, и вонь стояла невыносимая. Мы пробирались сквозь лужи, стараясь не наступить на что-то неприятное.

Искали медпункт и вскоре наткнулись на маленькую комнату, где располагался импровизированный медпункт. Там лежал казачок с осколком снаряда в животе. Две студентки-медички Эвелина Райчева и Александра Лобанова, пришедшие на помощь, пытались успокоить его, но было видно, что дела у него плохи.



Эвелина
Райчева



Александра
Лобанова

– Чем поможете при контузии? – спросили мы, надеясь на чудо.

Одна из девочек, Эвелина Райчева, решительно открыла тумбочку и достала бутылку «Стругураша». Это был местный сорокаградусный напиток, известный своей смертоносной силой. Она налила нам по полстакана, и мы с облегчением приняли «микстуру», надеясь, что она поможет нам прийти в себя.

Где подкрепление?

Когда мы вернулись наверх, обнаружили, что тот БТР, в который попал Серёга, уже оттащили тросом. Главное – обстрел исполкома прекратился. Противник отложил штурм, осознав,



что у нас есть гранатомётчики. Мы продолжали время от времени стрелять из окон, создавая иллюзию большого количества бойцов, меняя позиции. На самом деле нас было всего 28 человек в исполкоме: кто пришёл из гвардии, 5–7 чел. из охраны исполкома, а также человек 7–8 депутатов и obsługi, они были без оружия...

Часа в два или три дня пришли 15 казаков с атаманом, которые защищали здание главпочтамта, оно дворами соприкасалось с исполкомом, а от площади было закрыто забором, поэтому из одного здания в другое можно было пройти. Они пришли, взяли немного патронов и ушли. Мы начали обсуждать, почему исполком не штурмуют. Я предположил, что, вероятно, штурм начнётся вечером, когда они дождутся, чтобы мы исчерпали боеприпасы. Им не надо было много усилий – достаточно было поджечь здание исполкома. Они могли использовать зажигательные ракеты, чтобы воспламенить всё вокруг. В этом случае выбираться из здания было бы крайне затруднительно: на первом этаже решётки, и нам пришлось бы выпрыгивать со второго этажа. И в темноте, на фоне горящего здания, нас расстреливали бы, как в фильме о войне...

Мы решили: если до восьми часов не придёт подкрепление, оставаться в исполкоме будет бессмысленно. Один милиционер сказал:

– Вы можете уйти, а я на службе, мне придётся остаться.

Обстрел продолжался. Противник стрелял не столько по зданию, сколько по флагу, стараясь сбить его с мачты. Позже мы узнали, что в семичасовых новостях на «Месаджере» показали бендерский исполком и подменировали на видео молдавский флаг, объявив, что Бендеры заняты, а исполком взят. Это добавляло нам гнева и решимости.

Тем временем в городе продолжались обстрелы, повсюду лежали трупы. То там, то сям раздавались взрывы, и, кажется, и сам воздух был отравлен смертью. Мы спустились вниз, где находились несколько депутатов, глава города Когут и люди из администрации. Они, переполненные тревогой, звонили в Тирасполь.

– Нас здесь всего ничего, – говорили они в телефон, – нужно подкрепление. Мы не можем держаться в одиночку.

Слова их звучали как крик о помощи, и я понимал, что всё это время мы были на грани. Каждый из нас осознавал, что время уходит, а шансы на спасение уменьшаются. В голове крутились мысли: что если подкрепление не придёт? Что если мы окажемся в ловушке?

В этот момент ко мне пришло чувство уверенности и я решил, что мы не имеем права сдаваться. Мы должны сражаться до конца, чтобы защитить не только себя, но и тех, кто остался за пределами этих стен. Я посмотрел на Серёгу и других ребят, и в их глазах увидел ту же решимость.

– Мы должны быть готовы, – сказал я. – Давайте подготовим позиции и будем действовать, если что-то пойдёт не так.

Ребята, переглянувшись, кивнули в знак согласия. Мы начали проверять оружие, подготавливаясь к возможному штурму. Каждый знал, что на кону стоит не только наша жизнь, но и будущее города.

Глава 9. **Российский флаг на антенне танка**

Тем временем, (это стало известно гораздо позже), женский комитет обратился к командарму 14-й армии Неткачеву с просьбой помочь оружием, но получил отказ. Неткачев даже приказал снять все прицелы с танковых пушек. Однако женщинам удалось отбить на полигоне три танка, которые направились на штурм города через Днестр. Но, не имея поддержки, они не смогли прорваться. Два танка «сошли с дистанции», один – возле Паркан, другой – возле поста ГАИ на въезде в город. Третий попытался пробиться в город, но был вынужден повернуть назад. Несмотря на это машины смогли нанести психологический удар противнику.

Около четырёх – пяти часов вечера мы услышали гул военной техники, заходившей со стороны главпочтамта. К воротам



между Преображенским собором и главпочтамтом подъехал МТЛБ и остановился. Мы подумали: если бы это была молдавская техника, она бы снесла ворота. Вдруг из машины показалась красная тряпка. Оказалось, что во время прорыва российских танков молдаване в панике оставили свою технику. Бендерские ребята, класс, наверное, девятый-десятый, залезли в заведённый МТЛБ и угнали его, подъехав к нам с сообщением: «Вот, мол, мы угнали, забирайте, пусть у вас будет». Город защищался, как мог.

Использовать МТЛБ было невозможно – у нас не было для него патронов. Мы сидели и ждали у моря погоды, вяло перестреливались с противником из здания техникума напротив. Солнце стояло высоко в чистом небе, асфальт накалился, жара чувствовалась всё сильнее...

В это время мы с Серёгой поднялись этажом выше, в угловую комнату, где убили нашего товарища. Вдруг заметили, как на крыше гостиницы поднялся лист шифера, и блеснула оптика. Вот где снайпер! Прозвучал выстрел – шифер снова сомкнулся, снайпер исчез.

– Давай я его попробую снять, – предложил Серёга.

– Да вроде далековато, – ответил я, но злость уже охватила нас. Серёга выстрелил, и шифер разлетелся вдребезги. Вероятно, всё-таки достал снайпера, потому что позже наши ребята нашли разбитую импортную оптику и кровь.

К нам поднялся Атаманюк и сообщил:

– Ближе к вечеру, если не будет помочи, кто-то останется здесь, отвлекать противника, а остальные уйдут в крепость.

Состояние у всех было неважное. Что делать – непонятно. Часов в шесть–семь вдруг на мосту раздалась стрельба, и всё смолкло. Вся стрельба в городе прекратилась. Стало тихо, зловещая тишина. Мы думали, что сейчас начнётся штурм. Вдруг слышится рёв танковых двигателей. Неужели снова танками будут штурмовать? Тут с улицы Суворова, на перекрёсток с ули-



цей Ленина вылетел один танк. И сразу раздался выстрел его пушки, в сторону железнодорожного вокзала... Стало слышно, как взревели двигатели вражеских бронетранспортёров, они как по команде, стали отъезжать от исполкома... Стрельба полностью прекратилась, повисла напряжённая, плотная и не-понятная тишина... Танк поравнялся с входом в главное здание города и замер. Казалось, и замер весь мир кругом, он замер и для всех нас... На антенне у него развевался российский флаг! Мы замерли, наблюдая за ним, это был невероятный момент!

Открылся люк, и оттуда вылез мужик в тельняшке, шлемофоне и чёрных штанах, весь грязный:

- Эй, есть здесь кто? Мужики, я свой. Сейчас к вам войду.
- А ты кто? – спросили мы, не веря своим ушам.
- Я с той стороны приехал к вам.

Появление этого танка было для всех полной неожиданностью после неопределённости и безнадёги, целый танк с российским триколором казался чем-то нереальным людям, кото-

рые ещё несколько минут назад готовились погибнуть, вдруг оказались спасены, у них появилась надежда выжить и победить...

Кто-то крестился, кто-то рыдал, кто-то просто застыл с оружием в руках, не в силах поверить – свои! СВОИ!

Мы выбежали на улицу и начали его расспрашивать:

– Где остальные?

– Да не знаю, – отвечал он, явно взволнованный такой встречей.

– Давай мы их погоним, захватим полицию! – кричали ребята в каком-то истеричном ажиотаже.

– Да вы что, мужики, ошалели? У меня один снаряд остался, солярки сам не знаю, сколько, непонятно вообще, как доехал сюда, да и башня у меня только в одну сторону крутится.

Тут стали все потихоньку приходить в себя. В воздухе раздавались радостные крики. Страх и отчаяние, которые царили до этого момента, начали уступать место надежде.

Как выяснилось, напавшие на город подумали, что это российские танки 14-й армии идут в атаку, и испугались. Мой хороший друг, царствие ему небесное, жил тогда у Дома пионеров в частном доме и видел это бегство. Он рассказывал, как стрельба в один момент прекратилась, и молдаване начали убегать.

– Один из них положил автомат на плечо, стреляет назад, а рядом его товарищ. Кто-то из них упал. «Вася, inaroi (назад), бежим, бежим!» – кричал он своему напарнику, и это было похоже на сцену из фильма о панике.

Так закончилась оборона исполкома. Мы выстояли, хотя и с потерями, но это была наша первая победа! Теперь мы знали, что вместе, даже в самые трудные времена, можем преодолеть любые преграды. Мы были готовы к новым вызовам, но с этого момента у нас появилась уверенность в своих силах. Мы могли справиться с любыми трудностями, если будем действовать вместе.

Глава 10. Новая дислокация

В тот вечер Бендеры словно выдохнули — впервые за много дней на улицах воцарилась такая тишина, что, казалось, можно было расслышать, как гудит в ушах собственная кровь. Ни единого выстрела, ни хлопка — только звенящая тишина, тяжелая, как перед грозой. Даже у войны бывают моменты, когда она берёт паузу — будто сама ошеломлена случившимся.

Я смог дозвониться до мамы. Нашёл в исполноке работающий телефон, набрал номер. Голос дрожал, но я пытался говорить спокойно, словно это просто командировка. Сказал, что жив-здоров, что мы в городе, что всё будет хорошо. Она плакала, но тихо. О жене и детях подумал позже — у них новый дом, телефона там ещё не было. Может, это и к лучшему. Меньше поводов для страха.

Когда стемнело окончательно, мы стали устраиваться на ночлег. Кто где — кто на лавке, кто на полу, кто у стены. Тело гудело от усталости, но сна не было. Глаза закрывались, а перед ними — кровь, крики, дым, лица погибших. И снова открывались.

Около полуночи послышался гул. Сначала еле различимый, будто ветер тронул лист вдалеке. Потом — шаги, слаженные, равномерные. Когда идут десятки человек, а у земли словно появляется собственный ритм. Кто-то зацепился сапогом за гильзу — звякнуло. Кто-то выдохнул резко — и звук этот эхом отдался в сердцах.

Мы насторожились. Поднялись. По улице Суворова, со стороны моста, двигалась колонна. Подразделение, шедшее строем — это было ясно. Кто-то из наших окликнул. Вперёд вышли казаки, дежурившие у главпочтамта. Несколько напряжённых

Бендеры: розы в крови...





минут – и вот они узнают: это тираспольские. Наши. Батальон ополчения. Их пропустили. И вскоре мы уже жали друг другу руки, обнимались, будто старые друзья, хотя ещё вчера и не знали о существовании друг друга. Они зашли в исполком. В городе прибавилось сил.

Весь день мы ничего не ели. Никак. Внутри всё пересохло, но аппетита не было. Вечером кто-то принёс из буфета ящик с печеньем и шпротным паштетом. Мы открыли банку, съели по ложке – и всё. Проглотить больше уже не могли. Слишком много всего прилипло к горлу за эти сутки.

Мы остались на ночлег в исполкоме. Кто-то пытался шутить, кто-то тихо молился в углу, кто-то просто сидел, уставившись в точку на стене. Все в ожидании утра.

Оно пришло. Зябкое, серое. Рано утром собрали командиров и старших от каждого подразделения. Подвал исполкома, где находился председатель исполкома, стал временным штабом. Там были Костенко – командир гвардии, представители

рабочего комитета. Разговаривали сдержанно, но каждый чувствовал, что вот-вот начнется нечто большее.

План у руководства был простой: собрать в кулак все приднестровские вооружённые формирования и попробовать выбить молдавский ОПОН, армию и полицию из здания полиции, где они сгруппировались, и откуда начались все эти события... Сделать это хотели как можно раньше. Часов в 11 или 12 начать штурм. Пока они ещё не оправились от вчерашней атаки – нанести удар, забрать у них опору. Сломать хребет.

Мы же, измотанные, с разбитыми ногами и красными глазами, попросили передышку. Две ночи без сна – это даже не усталость, это состояние, когда мысли в голове как сквозняк: шумят и не задерживаются.

Костенко решил: наш отряд из 28 человек остаётся. Кто-то должен прикрывать тылы – если вдруг Кишинёв решит ударить с другой стороны, по той же улице Суворова. Им это ничего не стоит.

Мы заняли угловое здание — то, что на пересечении Ленина и Суворова. Тогда это было училище, сейчас там управление народного образования. Здание удобное — как крепость. С первого этажа всё видно: и вниз по улице Суворова, и вглубь улицы Ленина. Можно перекрыть движение хоть в ту, хоть в другую сторону.

Время — около семи утра. На втором этаже было несколько учащихся — пареньки, жили в общежитии. Тихие, испуганные. Мы разместились внизу. Разложили автоматы, проверили боезапас. Кто-то прилёг на парты, кто-то остался у окон, наблюдать. Город затих — перед новой бурей.

Глава 11. Война и люди

На войне особенно ясно видно, кто есть кто. Город – как сцена, и каждый выходит на неё не по роли, а по совести.

Утро 21 июня выдалось напряжённым. С самого рассвета все ждали начала – штурм полиции должен был вот-вот начаться.. Наш небольшой отряд, заняв хорошую позицию в здании училища, на углу Ленина и Суворова, могли контролировать всю площадь Освобождения и все прилегающие улицы и проулки. В штурме мы не участвовали, но могли в любой момент принять бой, в случае захода врага в тыл.

Мы стояли у окон, молча переглядывались, проверяли автоматы, кто-то молился. И тут к нашему зданию подошла группа – человек десять. Во главе – один из местных «авторитетов». Знали мы их. У кого пистолет за поясом, у кого «Калаш» в руках – и шаг у всех уверенный, будто шли не на войну, а на разборку. Только глаза были не такие, как раньше – в них не было бравады, не было привычной уличной дерзости. Была сосредоточенность. И страх, спрятанный глубоко.

Они остались с нами. Не лезли, не командовали, просто встали в строй. Но напряжение в воздухе повисло – мы опасались, что во время боя может случиться всякое: убитые, трофеи... А у таких ребят понятия свои, не всегда совместимые с боевыми уставами. Но, казалось, они и вправду пришли защищать город. Поняли, что, если не встанут рядом с нами – потом уже не останется ни города, ни «авторитета».

К полудню начался штурм.

Это был настоящий ад.

В штурме участвовали все сборные силы, имеющиеся на тот момент у приднестровской стороны. Связь между разрозненными отрядами была крайне плохая, не было радио, не хватало грамотных офицеров, крайне мало было боеприпасов... Но было огромное желание как можно быстрее освободить город. В противовес нашим силам, все прилегающие к зданию полиции кварталы, административные здания, школы и детские сады, были заняты подразделениями полиции, ОПОНом, армией и комбатантами Молдовы. Оборудованы огневые точки, завезены патроны, гранаты и другие боеприпасы... Но всё это мы узнали уже потом, а тогда, на энтузиазме и злости за то, что они устроили в городе, мы рвались к полиции...

Стрельба не стихала ни на минуту, всё вокруг грохотало, дрожали стены, осыпалась штукатурка. Полицейское здание держалось цепко – они знали, что если дрогнут, город их не пощадит. Силы у них были: подвоз патронов шёл от Каушан, шла поддержка из колонн, что уже были в городе. Мы же были из того, что было... Много погибших, много раненых... Окровавленные бинты, крики санитаров, автоматные очереди, шорох гранат по асфальту – всё смешалось в один нескончаемый день.

К вечеру всё стихло. Город будто выдохся. Мы вновь заняли свою позицию в училище. Криминальная группа, не сказав ни слова, покинула нас. Просто исчезли. Без благодарности, без слов. Пришли – ушли. По-своему они сделали, что могли.

А дальше – неожиданное.

Один из предпринимателей, владелец маленького ресторочка, каким-то чудом дотащил к нам две полуутуши свинины. Холодильник у него разморозился, свет отрубили – продукты пропадали. И он, не раздумывая, потащил мясо туда, где были мы.

– Готовить негде? – спросил он. – Я всё сделаю.

И ведь сделал. На следующий день у нас был борщ. Шашлык. Тушёное мясо. Но толком никто не ел. Голод был, но глубже сидела усталость. Жевать – как пытаться прожевать пепел.

Был и другой случай, отражающий ту странную смесь боли, достоинства и человечности, что царила вокруг Серёга, мой товарищ, вдруг остановился у окна:

– Смотри...

По улице шёл тот самый «авторитет», с которым у него когда-то был конфликт. С женой, с ребёнком в коляске. Уходили из города. Плечи опущены. Лицо не грозное – растерянное.

Серёга сжал кулаки:

– Сейчас я ему скажу... Как пальцы гнуть – он первый. А как за город постоять – уходит.

Я положил руку на его плечо:

– Ты простишь себе потом? У него жена. Ребёнок. Сейчас не время.

Серёга долго смотрел им вслед, потом только махнул рукой. Не сказал. Не надо было.

Так прошёл второй день в нашем «училищном гарнизоне».

Глава 12. Чей приказ?

Вечер был спокойным. Казалось, наконец-то, хотя бы на ночь, можно будет выдохнуть. Мы сидели в библиотеке на первом этаже – укрылись там, заложили окна книгами. Вид оттуда открывался отличный – весь перекрёсток как на ладони. Книги пахли пылью, чернилами и миром, которого больше не было.

Около полуночи в дверь главного входа постучали. Но окна библиотеки находились рядом, стёкла были выбиты и мы разговаривали через окно.

Открываем – стоит парень, молодой, глаза усталые.

– Сейчас будет формироваться колонна. Где-то к двум – выдвигаемся. Приказ: оставить Бендеры. Решайте, поедете с нами или останетесь.

Мы переглянулись с Серёгой.

– Это что, шутка?

Пошли в рабочий комитет. Улица уже была полна техники. БТРы, МТЛБ, грузовики – там, где ещё вчера казалось, остались только мы и пара автоматов, теперь клубилось железо и солдаты.

– Да откуда это всё?.. – шептал кто-то из наших.

Ответа никто не дал.

– Приказ штаба.

– А кто именно?

– Решение принято, всё.

Из обрывков фраз поняли: на отступлении настаивал Констанко. Потери большие, боеприпасов мало, город не удержать, если пойдут румыны.

Вернулись в училище. Спустились в подвал, где лежали наши запасы. Железная дверь, как в хранилище. Тишина. Внутри – наши ребята.

Я рассказал всё. Сказал, как есть.

Взрыв негодования был такой, что стены, казалось, дрогнули.

- Мы отстояли исполком!
- Мы держим перекрёсток!
- И теперь просто уйти?!

Мнения разделились: кто-то в порыве гнева, не захотел уходить с позиций, кто-то собрался, забрав оружие и поделив боекомплект, уйти партизанить, но мы посчитали что надо выяснить, что всё это значит...

Из двадцати восьми с нами остались не все. Человек десять всё же решили поехать – у кого дети, у кого родные. Остальные – нет.

Серёга сидел молча. Потом поднял глаза:

– Кто отдал этот приказ? Вот бы знать... Кто решил за всех нас, что Бандеры уже не наши?

Глава 13. Колонна в никуда

Тем временем в рабочем комитете царила напряжённая ситуация. Люди, скав зубы, вытаскивали ящики с документами, архивы, свёртки с бумагами и грузили всё это в машины. Кто-то шептал, что пора уходить, кто-то спорил, что нужно стоять до конца. А мы уже приняли решение – едем. Узнаем, что происходит, и возвращаемся. Обратно – к своим. К утру.

Перед самым выездом мы тщательно переписали адреса и телефоны тех, кто оставался на позициях. Боеприпасы разделили, как могли. Всё это делалось быстро, почти на автомате – тело двигалось, руки работали, а в голове крутился один вопрос: почему? Почему мы уходим?

Цель была ясна: доехать до Тирасполя и выяснить, что означает этот бессмысленный, какказалось, приказ на отступление. Город оставлять было нельзя. Мы чувствовали, что происходит нечто грязное – предательство, договорённость, сговор... Что, если политики там, в своих кабинетах, решили: пусть Бендеры падут, лишь бы не тронули остальное Приднестровье? Но нам было плевать на их схемы. Москва, Кишинёв, Тирасполь – они были далеко. А мы были здесь. Здесь наши дома. Наши семьи.

Мы не собирались отступать по-настоящему. Нам нужно было только понять, что происходит. И, быть может, вернуть всё назад.

Когда зарычали моторы и колонна начала выдвигаться, мы остановили первый БТР и забрались на броню. Мы были полны решимости. Нам нужно было добраться до президента Смир-

нова и потребовать всё объяснить. Мы кипели от возмущения – город оставили, не объяснив ничего.

Колонна тронулась в сторону Тирасполя. Я служил в армии механиком-водителем БТРа и знал: передвижение колонны должно быть чётким, организованным. На каждом перекрёстке – регулировщик. Направляющие. Координация. А тут – пусто. Мост через Днестр – ни души. Свет в Парканах, фонари, ночной покой. Над Тирасполем – зарево мирной жизни. И ни одного солдата, ни одного знака, что нас здесь ждут.

Подъехали к Парканскому тоннелю – снова никого, тишина. Стоит лишь одинокая техника из парканского сапёрного батальона. Мы постучали. Дверца приоткрылась – оттуда вылез мужик, пьяный, с мятой пилоткой.

– Колонна заходит! БТРы, техника, грузовики! – говорим ему.

– А мы ничего не знаем... Нам сказали – стоять, вот и стоим.

На следующем перекрёстке – ещё одна колымага. И снова никто ничего не знает. Так мы доехали до Паркан – тишина и спокойствие.

Подъехали к придорожному ресторану «Фоишор», там поворот на Терновку. Часы показывали что-то между двумя и тремя ночи. Я сидел на броне, схватился за голову. Остальные – молчали, кто-то закурил, кто-то просто смотрел вперёд, в темноту. Мне стало страшно. Я вдруг понял: если я не вернусь в Бендери этой ночью – я больше никогда не увижу жену. Ребёнка. Дом. Жизнь.

Перед глазами – картина, словно вырезанная в сердце: за спиной багровое зарево – это догорали цистерны с горючим на окраинах Бендер. Спереди – ровный свет над Тирасполем.

Справа, в темноте, острые башни «Фоишора», как пикистые тени на стене.

Я тряхнул Сергея:

- Ты понимаешь, куда мы едем?
- Да сам не знаю.
- Всё. Остановливайся.

Из люка БТРа торчал какой-то подполковник. Позади плёлся «Москвич», а за ним – вся колонна. Сергей хлопнул подполковника по плечу. Мы заорали:

- Стой! Остановись!
- Что случилось?
- Ты знаешь, куда мы едем? Почему оставили город? Что это за отступление?!
- Приказ. Мы должны быть в Тирасполе.
- Кто отдал приказ?
- Не знаю...
- Так откуда ты знаешь, что это не ловушка? Что это не провокация? Представь: если бы я был на месте румын (мы так называли тех, кто пришёл в город – это были не молдаване, настоящие молдаване с нами город защищали), я бы пристроился к хвосту колонны – и въехал бы прямиком в Тирасполь. А там все спят. Войны не ждут. И я бы начал стрелять. Везде.

Подполковник задумался.

- Ну да... логично...
- Так вот. Предлагаю так: не гнать всю колонну. Пусть едут не все. Если румыны поймут, что мы ушли – они зайдут в Бендеры, зайдут исполком, и нам снова придётся его штурмовать. Сжигать танки. Рваться. Умирать.

Подполковник кивнул:

– Хорошо. Я скажу сыну – он на «Москвиче» – слетаем в Тирасполь, разведаем обстановку. А вы пока ждите здесь. А дальше – будем действовать по ситуации.

– Вам нужно обязательно встретиться со Смирновым. И спросить, что нам делать? И почему мы, как бараны, идём в темноту?

Надо сказать, я раньше руководил первым туристическим кооперативом в Молдавии. Работал в Бендерском бюро путешествий и экскурсий. Убеждать людей – моя профессия. Но тут речь, что я тогда произнёс, – и сам не ожидал от себя. Словно изнутри что-то вырвалось.

«Москвич» взревел, сорвался с места и исчез в направлении Тирасполя.

А мы остались – ждать.

Смотреть на багровое зарево над родным городом.

И молиться, чтобы ещё не всё было потеряно.

Глава 14. Поворачиваем назад

Дальше произошло то, что до сих пор отдаётся во мне холодком – мурашками, вспышками памяти, тяжёлым комом в груди. Позже полковник рассказал: на въезде в Тирасполь, там, где теперь белеют арки с колоннами, по обе стороны дороги врыты были «Шилки». Зарытые в землю, укрытые в капонирах – видны только чёрные зрачки стволов.

Четыре дула, бешеная скорострельность, рваная очередь – и не осталось ни стены, ни брони, ни тела. Эти машины, хоть и зенитки, но если стреляют по земле – превращают всё живое в пыль. Кирпичную кладку резали, как масло, а про людей и говорить не приходилось... Если бы мы не остановились тогда – нас бы не осталось.



Я сам не знал, почему закричал: «Стоять! Стоп колонне!» – будто кто-то шепнул изнутри. Интуиция? Ангел-хранитель? Или просто удача... Но факт – колонна встала. А если бы нет? «Шилки» сделали бы из нас фарш. И никто бы даже не понял, что произошло.

Когда к позициям подъехал старенький «Москвич», его тут же остановили. Из него вышел полковник и направился к солдатам.

– Мужики, из Бендер идёт колонна, – сказал спокойно, но твёрдо.

– Какая колонна? – не поняли те.

– Отступают. Войска выходят. Есть связь с Верховным Советом? С исполкомом? С президентом?

– Только с командованием...

– Мы едем в Верховный Совет, к президенту. Решать, что делать дальше. Только не стреляйте – это наша колонна!

И они проехали.

А мы сидим и ждём возле дороги, на обочине.

И было чувство, будто мы стоим на перекрёстке не дорог, а судеб. Куда дальше – в рай или в ад?

Минут тридцать так просидели. А потом вдруг – вспышки фар, сирена. Милицейские машины, за ними – белая «пятёрка». Мы поднялись, пошли навстречу.

Из машины вышел Антюфеев-Шевцов – глава госбезопасности, он был в форме майора КГБ ПМР. С первых слов – холодный душ: оказывается, из Тирасполя никто не отдавал приказ оставлять Бендеры. Всё это было самовольное решение. Паника? Провокация? Ошибка? Неважно.

– Надо возвращаться, – сказал он. – Срочно.

Словно ток прошёл по телу. Я будто вдохнул по-настоящему впервые за эти сутки.

— Серёга! Разворачиваем колонны! — крикнул я. — Вариантов нет!

На востоке уже светлело. Призрачный рассвет раздвигал ночную мглу. Время пошло вспять — назад, в город, в Бендеры, в бой.

Мы понимали: всё теперь на нас. Никаких генералов. Никаких приказов на бумаге. Только мы. Бронетранспортёры стояли глухо, и разворачивать их было непросто — дорога узкая, как кишка. Не та, что сейчас. Тогда — одно полотно, рытвины и ямы.

Подошли к МТЛБ. Лёгкие, манёвренные. Гусеничные звери. Внутри сидели такие же, как мы — в гражданке, не пойми кто. Но если говорить чётко — слушают. Особенно если у самих в душе не всё спокойно. В каждом из них был тот же вопрос: а правильно ли мы уходим?

Подошли, сказали: приказ отменён. Возвращаемся. Без лишних слов.

Сначала развернули первые МТЛБ. Наши ребята и какие-то ещё мужики — откуда они взялись, кто они были, уже и не вспомнишь. Партизанский отряд, не иначе. Забрались в машины и тронулись назад — к мосту.

Но на первой машине водитель замер, вцепился в рычаги:
— Я дальше не поеду. Меня сожгут.

Истерика у него началась прям у въезда на мост через Днестр. Там совсем недалеко стоял подбитый российский танк, при детонации боеприпаса башню сорвало и она лежала рядом — зрелище ещё то. И я его понимаю. Страх. После исполнения у нас внутри всё выгорело, осталась только решимость. А у него — осталась жизнь. Мы не стали его уговаривать. Просто приняли решение: спешиваемся, выстраиваемся цепью и идём

впереди машины. Метрах в тридцати. Мы – живой щит. Если начнётся стрельба – первыми ляжем мы. Он успеет отступить.

Так и пошли. Молчали. Только шаги, только дыхание. Где-то на марше, когда чуть отпустило, «прихватили» с МТЛБ пару гранат и «Осы». Гранатомёты. Без лишней возни – взвёл и стреляй. На войне как на базаре: кто успел – тот и вооружился. Тут каждый патрон – личная ценность, каждый заряд – шанс выжить.

Мы снова шли туда, откуда недавно ушли. И впервые – знали точно, что делаем всё правильно.

Глава 15. Расстрел колонны гвардии

Шли по мосту через реку Днестр. Над головой сизый рассвет, под ногами – мокрый металл. Тишина обманчива, будто замерший вдох. А потом – как гром среди неба – пальба.

Сначала одиночные хлопки, будто кто-то хлопает в ладоши... а затем – шквал. Дикая, безумная, рваная стрельба, от которой вибрировал воздух. Мы инстинктивно бросились в стороны, кто упал, кто залёг, кто просто замер, как статуя.

Стреляли не в нас... Над рекой гуляло громкое эхо и казалось, что пули свистели у нас над головами.

Мы прислушались. Понять толком, откуда и что это была за стрельба, в тот момент мы не могли – далековато и закрывала насыпь над железной дорогой. Со слов очевидцев я узнал, что там, у крепости, в свете разгорающегося дня, как в киноплёнке с дрожащим кадром, дёргалась колонна грузовиков. КамАЗы. Люди в гражданке и в камуфляже. Флаг Приднестровья развевался.



вался над первым – кто-то подсвечивал его фонариком, чтобы видели, что свои.

Но именно этот флаг, как оказалось, стал мишенью.

Из крепости, с высоты, хлестанули очереди. Как будто сам бетон взорвался, срываясь со стены. Палили без разбора – автоматы, гранатометы. Один за другим срывались с точек обстрела пучки огня. Люди с бруствера стреляли, будто видели перед собой не КамАЗы, а вражеские танки.

– СВОИ! – кто-то закричал, хрипло, отчаянно. Поздно.

Паника. Крики. КамАЗы дёргались, останавливались, виляли. Люди с нихсыпались, как яблоки с дерева, пытаясь спрятаться под колёсами, за бронёй. Кто-то выпрыгивал на бегу, катился по траве, по щебню. Кто-то уже не вставал.

Потом кто-то – один разумный, храбрый – проревел:

– Прекратить огонь! СВОИ!

Стрельба стихла. Постепенно. Пульс ещё колотился в висках, а вокруг уже воцарялась тишина. И на этой тишине остался только стон. И дым. И тела.

Это была не засада, не бой. Это был расстрел. Расстрел своих своими. Никто не знал, сколько погибло. Никто не скажет.

Мой свояк Павлик был в одной из машин. Будучи посечённым осколками ещё днём, при штурме полиции, получил ещё несколько осколочных ранений, но помогал после обстрела заносить тела убитых и раненых в крепость. Повезло, что остался жив.

Когда всё смолкло, по дороге из города прям из туманной дымки, появились солдаты. Это выходил из Бендер тираспольский батальон. Те самые бойцы, что пришли на помочь в ночь с 20 на 21 июня. Их тоже потрапало. Их вид был странный, как

из другого времени: гимнастёрки с пуговицами, каски времён сорок первого, и... кроссовки. Обувь настоящего под формой прошлого.

Они шли, несли раненых. Кто на носилках, кто на себе. На бинтах – алые пятна. Кто-то перевязанный до глаз. Кто-то – просто сгорбленный, как под тяжестью всего мира.

И тут к ним присоединились выжившие из расстрелянной колонны.

Картина перед глазами – как кадр из кино: утро, серое, молочное, над рекой клубится туман. А навстречу нам – будто 1941 год. Уставшие, оборванные, потрёпанные солдаты. В глазах – не страх, не ярость. Там была растерянность. Усталость. И глубокая, звенящая тишина внутри каждого.

Подошли, спрашиваем у одного:

– Где вы были?

Он моргнул, медленно, будто возвращался в реальность:

– До Шёлкового дошли...

– И что?

– Заблудились, – пожал плечами.

Заблудились. На войне. Среди своих и чужих. Среди приказов и слухов.

Бардак. Хаос. Кто-то назовёт это войной. Но мы уже понимали – это не война. Это сумасшествие, замешанное на страхе, глупости и, возможно, предательстве.

Потом мы долго думали: как так вышло? Почему свои стреляли в своих? Кто дал ложную информацию?

И тогда опять всплыло имя – Юрий Костенко. «Тайный начальник», как его звали. Говорили, он умел управлять не только людьми, но и хаосом. А может, он его и создавал.

Глава 16. Снова в Бендерах

Мы стоим на пятаке у моста, где сейчас пост миротворцев. Там, где ещё час назад слышалась стрельба и шли колонны, теперь звенящая тишина. Стоим, смотрим друг на друга. Тираспольский батальон ушёл, растворился в утреннем тумане. А мы остались. Нас было человек десять...

Обсудив обстановку, решили пойти в центр города – узнать, что происходит в городе. Вызвались четверо: Сергей, Серёжка-рыжий, пацан гранатомётчик и я.

– Подождите здесь, – говорим остальным. – Мы дойдём до исполкома, проверим обстановку. Если чисто – вернёмся, будем заводить технику.

Четыре утра, может, чуть позже. Идём пустыми улицами. Мимо разбитых домов, пустых лавок, мимо рынка, который ещё недавно гудел голосами и запахами. Сейчас всё это – мёртвый город.

Вот почтamt. Вот наше училище. Мы там были накануне. Заходим внутрь – знакомые стены, книги, какие-то уцелевшие лица. Несколько наших ребят остались, не ушли с колонной. Собрались в библиотеке. Тишина такая, что был слышен топот муравья.

Советуемся. Что делать? Куда двигаться?

И вдруг рыжий Серёга говорит:

– Мне сон сегодня приснился. Я на море, лежу, солнце, волны. И вдруг ко мне бежит сын, совсем маленький, руки раскинул и смеётся. А я его даже в руках не держал ещё – жена рожать должна была...

Все замолкли. Слова легли тяжело. Как воспоминание о другой жизни. Как будто это всё – театр, спектакль, и нас сейчас кто-то позвоёт обратно, в зрительный зал.

Но у нас в этом спектакле — главные роли. Без дублёров.

Пошли к исполкому. Заходим — тишина. И вдруг кто-то шевелится в углу.

— Есть кто?

— Я один тут... переночевал, — голос сиплый, как будто тянется из подвала.

Бомж. Простой, грязный, вонючий бомж.

— Никто ночью не приходил? Румыны?

— Нет, победили мы. Все ушли.

Вот и весь гарнизон исполкома — один бомж и запах перегара.

Дальше пошли в рабочий комитет. То место, что потом станет музеем Бендерской трагедии. Сейчас — пусто. Бумаги на полу, полки перевёрнуты, будто кто-то спешно выметал из здания память. Всё вверх дном, как в голове после взрыва.

Надо возвращаться. Надо собирать своих.

Двигаемся через дворы, мимо мебельного магазина «Комфорт», мимо многоэтажек.

Лето. Шесть утра.

Небо светлеет, теплеет воздух.

Палисадники в цвету — пышные, беспечные, как будто войны нет. В каждой клумбе — розы, мальвы, бархатцы, заботливо посаженные чьими-то руками.

На лавочках возле подъездов сидят женщины. Бабульки в платочках, молодые с детьми на руках. Говорят вполголоса — не ругаются, не плачут. Спокойно, по-женски решают, как жить дальше: кому куда идти, что взять с собой, кого ждать, кого хоронить...

И тут проходим мы.

Невеселая цепочка молодых и не очень мужчин, перегруженных оружием, патронами, гранатами.

Шагаем мимо клумб, мимо рассвета, мимо женщин.

Они замолкают, смотрят на нас – в этих взглядах вся боль и укор.

Как будто кричат беззвучно:

«Что же вы? Бросаете нас? Уходите?»

Я тогда со стыда готов был сквозь землю провалиться.

Город знал: войска его оставили. Люди знали, что мы – последняя надежда.

И этот немой упрёк в их глазах обжигал сильнее пуль.

– Мы никуда не уходим! – говорим. – Мы здесь, будем держать город.

– Правда?..

– Конечно. Мы с вами.

Они смотрели на нас, не веря.

Тоненький, как ниточка, голос спросил:

– Это правда?..

Я кивнул:

– Конечно! Обещаем!

И в этих двух словах была безумная решимость остаться, стоять до конца.

– Сыночки, берегите себя...

Женщины крестили нас, как будто хотели обнять всех сразу, спрятать, защитить.

Идти дальше было тяжело.

Казалось... что за спиной остаётся не улица, не город – за спиной остаётся жизнь.

Дошли до пятака у моста. И тут из-под моста появляются они.

Человек десять. В бронежилетах, в перчатках с обрезанными пальцами, с рациями и серьёзными, сосредоточенными лицами. Мы сначала подумали – может, спецназ из 14-й армии? Мало ли кого прислали.

– Кто такие? – спрашиваем.

– А вы кто такие?

Оказались свои. Дзюба и его ребята из гвардии, где когда-то нам выдали наши автоматы и по два рожка. Поздоровались. Дзюба был деловит, сосредоточен, как человек, которому доверили важную операцию.

– Город весь вышел? – спрашивает.

– Почти весь. А ты знаешь, кто приказал?

Он кивает:

– Да, поступил приказ оставить город. Сейчас готовим «железный кулак». Будем брать обратно.

– Какой ещё кулак? Мы только что оттуда! В городе никого нет!

– Не может быть, – вытаскивает карту, раскладывает на бетонных блоках. – Вот тут пойдут танки. Здесь – минное поле. Тут – удар, там – обход.

Мы с Серёгой переглянулись.

– Ты бы хоть сначала посмотрел своими глазами, а не по карте воевал. Мы только что были в исполнении – там пьяный бомж охрану несёт. В рабочем комитете – пусто. Ни румын, ни стрельбы. Воздух и тишина.

– Не может быть. У меня оперативная информация!

– Ну тогда мы вас там и подождём, – говорит Сергей, иронично. – На перекрёстке Ленина и Суворова. С флагом. Только вы не задерживайтесь со своим кулаком.

Глава 17. Люди покидают город

Пока мы митинговали на пятаке, спорили, кто тут главный и как спасать Бендера, город жил своей страшной жизнью. Или, точнее сказать, умирал: медленно, в агонии. Сначала это были единичные семьи с узлами, потом потоком повалили люди – старики, женщины, дети. С колясками, с клетчатыми сумками, с одеялами на плечах, с какими-то драгоценными остатками прежней жизни. Шли молча, как беженцы из кинохроники.

У тоннеля в Парканах образовался чудовищный затор. Машины забили всю дорогу, двигались еле-еле. Мы с Серёгой ухватили на обочине знакомый автобус. Когда-то я работал в экскурсионном бюро, многих водителей знал лично. Один из них – добродушный, щекастый мужик – подбросил нас до перекрёстка в Парканах.





Там меня накрыло. Сердце защемило, рука онемела. Все эти трое суток – без сна, без еды, в постоянной тряске – дали о себе знать. Пошатываясь, подошёл к «буханке» скорой помощи. Зелёная, с красным крестом на боку. Открыл дверцу – а там Гриша Ли, наш знакомый, советник президента.

– О, знакомые лица, – обрадовался он. – Что с тобой?

– Сердце.

– Сейчас подлатаем.

Уколол он мне чего-то. Стало вдруг тепло, мир поплыл куда-то в сторону, внутри растеклось спокойствие, будто на миг вернулась та старая, нормальная жизнь – где не стреляют, где не умирают, где не надо каждую секунду думать, выживешь ты или нет.

Только отдохнуть не успел – оклик...

Обернулся – свояк Павлик и ещё несколько ребят с ним из гвардии, сидели в тенёчке под стеной хаты, куда свозили ране-

ных из расстрелянной колоны... Лицо Павла разбито, кровь на виске и на подбородке. Говорит бодро:

- Ну, как там, брат?
- Жив, – улыбаюсь через боль. – А ты?
- Пока живой.

Переглянулись. Здесь много слов не нужно.

В это время Сергей замахал руками:

- Давай быстрее! Тут БТР нашёлся!

Железная машина с выбитым колесом, но на ходу.

После его отремонтировали на Бендерском машиностроительном заводе, где комбатом был Булда Анатолий Григорьевич.

Когда залезли в машинное отделение, увидели бирку завода-изготовителя – Нижний Тагил, апрель 1992 год. Через Румынию он попал в Молдову.

Бойцы собрались вокруг. Я, пользуясь своим голосом – а он у меня был поставлен не хуже, чем у уличного агитатора, – залез на броню и заорал во всё горло:

- Кто с нами?! Кто в Бендеры?! Кто город спасать?!

Толпа загудела. Нашлись те, кто готов был вернуться. Забрались на броню, держась за поручни.

Дорога в Бендеры шла через сплошную реку людей. Восьмой час утра, солнце било в глаза, жара поднималась от асфальта. Мы медленно, осторожно продвигались сквозь людское море.

И вдруг – сцена на всю жизнь.

С набережной к нам выруливает закрытый тентом «уазик» с российским флагом. Остановился, пытается протиснуться сквозь толпу. Из кабинки выпрыгивает молодой лейтенант:

- Дайте дорогу! Международная миссия!

Люди нехотя расступаются. И тут одна женщина заглядывает в раскрытую дверцу «уазика» – и видит там человека в румынской форме. С флагом на рукаве.

Как будто фитиль подожгли.

– Румын! Смотрите, румын! Это они! Это они нам всё устроили!

Толпа вскипела. Заколыхалась. Руки потянулись к машине, стали раскачивать её, кто-то стучал в окна кулаками.

Лейтенант кричит, объясняет:

– Это наблюдатель! Его нельзя трогать! Международный скандал будет!

Кто-то пытался успокаивать, кто-то орал, слёзы текли по лицам женщин, мужчины багровели от злости. Всё это происходило в каких-то двух метрах от нас, сидевших на броне.

Мы тоже пытались кричать:

– Люди! Пусть уезжают! Не надо!

Чудом уговорили. Толпа сжалась в злобный, тяжело дышащий клубок, но всё-таки пропустила машину. «Уазик» рванул прочь по дороге, подальше от ярости.

Мы тоже дали газу. Наш БТР качнулся и двинулся по Суворова.

Дорога словно дышала – впереди, позади, везде шли люди.

Доехали до перекрёстка у училища. Там остановились.

Стоим. Ждём. Сергей посмеивается:

– Только бы наш «железный кулак» не проморгать!

Рядом Игорёк – молодой совсем, лет семнадцать. И тут к нему подходит мужик лет сорока, хватает за рукав и начинает дёргать:



Игорь Жигорев

– Почему не позвонил?! Почему молчал?!

– Папа, да хватит! Я же тут... ну, на войне!

Мы вмешались:

– Мужик, успокойся. Всё нормально. Он с нами. Вернётся домой.

И вот – гул моторов.

Сначала один МТЛБ с флагштоками пролетает, как призрак прошлого парада. Потом второй. Потом третий. Потом БТР.

Весело машем им руками, кричим:

– Ура! Вот он, «кулак»! Вот он, ударная сила!

Но всё это выглядело скорее как плохая пародия на армию. Как «Кино и немцы», как фарс.

Город пустел, люди уходили, но Бендеры продолжали жить... В нём оставались и жители, и его защитники и все те, кто не захотел отдавать город на растерзание.

Глава 18. Второй батальон ополчения

23 июня мы снова заняли город. Было около трёх часов дня, когда по цепочке передали: всех командиров опять собирают на совещание. Наше подразделение перебросили в старое здание детской художественной школы на улице Кавриаго.

Мы без лишних слов принялись копать щели – узкие окопы вдоль стены. Земля была сухая, сыпалась под лопатами. Эти щели могли стать нашей единственной защитой, если по этой улице двинутся войска.

По дорогам, затопленным июньским зноем, бесконечной рекой текли люди – с колясками, узлами, чемоданами, двигались машины – продолжался массовый исход жителей из города. Когда эвакуировали городской автопарк – мы останавливали автобусы, уговаривали водителей: забирайте людей, пока есть возможность. Взгляд женщин, обнявших детей, был полон немого ужаса.

Ночью мы остались в здании школы. Район был преимущественно частный, тесный, родной, с низкими домами. Люди шли к нам без страха – приносили варенье в банках, куски хлеба, кто что мог. Они знали: если начнётся бой, именно здесь обрушится первый удар.

Пожилые рассказывали, как сами сражались когда-то за эту землю в Великую Отечественную. Их руки дрожали не от старости – от памяти.

Однажды к нам подошёл священник из Кицканского монастыря – в облачении, с большим крестом на груди. Голос у него был тихий, как молитва. Он убеждал нас оставить оружие,

напоминал: убивать – великий грех. Мы долго разговаривали с ним, терпеливо. Объясняли: это не мы пришли на чужую землю. Это к нам вошли танки, к нам врывались в дома, расстреливали наших женщин и детей. И если мы сложим оружие – нас всех вырежут.

В конце концов, даже священник печально кивнул: он понял. Никто не хотел войны. Но иногда выбора просто нет.

24 июня, около полудня, нам привезли форму – пятнистую, летнюю, маскировочную. Брюки, гимнастёрка с капюшоном. Комплектов хватило не на всех: двадцать пять на шестьдесят человек. Те, кто остался в гражданке, стиснув зубы, молчали.

Потом был сбор в здании ГАИ. Нас знакомили с новым командованием: второй батальон ополчения – так теперь называлась наша новая семья. И тут же – новая задача: занять промзону, где стояли биохимический завод, «Фанеродеталь», «Молдавкабель», шелковый комбинат, хлопкопрядильная фабрика.

Мы вышли в путь около двух часов дня, продвигаясь вдоль реки, где можно было спрятаться от лишних глаз. Фронт теперь пролегал по железной дороге.

Запомнилась одна цифра: шестьдесят три.

Шестьдесят три человека на весь второй батальон.

Много это или мало?

Когда нас поделили на группы, оказалось: на каждое крупное предприятие приходилось по восемь-десять человек. Сил на настоящую оборону не хватало. Но задача была другая – показать врагу, что мы здесь, что мы не сдаёмся.

На заводе «Прибор» мы остановились. Небольшая группа – человек десять с небольшим, во главе с нашим командиром

Ишковым. К нам примкнули рабочие, что остались на заводе. Всего собралось около четырнадцати бойцов.

Потом мы перешли на биохимический завод. Там были хорошие позиции, отличный вид на железнодорожный переезд – словно сам Бог указывал нам место для обороны. Там, чуть поодаль, угадывались вражеские окопы. Среди них, как на витрине, стоял ОПОНовский БТР. Рядом – автомашины и полицейские. Было видно, как они суетятся, перемещаются, будто чувствуют, что кто-то за ними наблюдает.

У нас стояла задача – не просто сидеть, а обозначить своё присутствие. Чтобы знали: химзавод не пустует. И мы решили – пора напомнить им, что у нас здесь не пикник.

В ход пошли «Мухи» – одноразовые гранатомёты, около метра в длину, с лаконичной надписью сбоку: «Разрядить в сторону противника». Что ж, мы и разрядили – как велено. Одну «Муху» Сергей отправил прямо в БТР. Вторую – в окоп охраны переезда, ближе к круговому движению.

Грохнуло знатно. По окопу разлетелись щепки, грязь и, скорее всего, мундиры. Из БТРа, кажется, кто-то успел выскочить – и вовремя. После этого им стало ясно: боихимзавод – не просто промзона, а позиция. Зубастая, злая, и хорошо вооружённая.

Опыт войны приходил сам собой: где пригнуться, где поставить бойца, как слушать ветер и угадывать движение врага.

Административный корпус биохима был пуст. В цехах царила мёртвая тишина – остановленное производство, разбитые стёкла, запах масла в воздухе.

Сергей тогда впервые назвал меня замполитом. Я как-то собрал всех и сказал:

– Слушайте сюда. Кто хоть пальцем тронет имущество – будем говорить серьёзно. Война всё спишет? Нет, не всё. Грабёж

– это грязь. Нам воевать надо, а не превращаться в тех, кого мы сами ненавидим.

Рассказал им, что слышал от беглецов: румыны ломились в квартиры под видом проверки документов, а потом возвращались с грузовиками и выносили из домов всё до последнего стула.

Я смотрел в глаза ребятам и говорил:

— Они уйдут. Мы их выгоним. А ты потом как посмотришь в глаза соседу, если сам станешь вором?

Это было важнее всего – оставаться людьми.

Заняв административный корпус, мы сразу прочесали здание. Всё было пусто – только гулкое эхо отвечало на наши шаги. Мы закрепились, выставили посты, обозначили присутствие.

Мы знали: враг будет стремиться обезопасить для себя дорогу на Каушаны – город, в 27 километрах от Бендер – единственную артерию, по которой в Бендерах шли боеприпасы и помощь. Дорога на Каушаны проходит параллельно с железнодорожным полотном, а в районе Биохимического завода есть железнодорожный переезд, который и ведёт ближайшим путём в центр города. А мы, заняв там позиции, перекрыли врагу этот путь... Они конечно же, всё это тоже понимали, тем более, что по Каушанской трассе осуществлялось снабжение и всей вражеской группировки в городе.

Глава 19. Откуда бьёт миномёт?

Каждый вечер, ближе к закату, начиналась канонада. Сначала мы не могли понять, откуда по нам стреляют. До трёх часов дня – относительная тишина, будто и не было войны. А потом – словно с цепи срывались. Это были прорумынские националисты, им подвозили вино из близлежащих сёл.. Выпив, они начинали палить без разбора, будто им вдруг захотелось «повеселиться». Миномёт бил не прицельно, просто в город, просто куда-нибудь. А ведь в этом «куда-нибудь» сосредоточено много промышленных предприятий – и городской хлебозавод, и гормолкомбинат, и главная плодоовощная база и другие предприятия... Они все работали, ведь рабочие на них понимали, что город надо кормить.

Иногда мина ложилась на территорию предприятия, где трудились обычные люди, пекли хлеб, перерабатывали молоко. Просто убить кого-то – и дальше пить. Мы не могли поверить, что взрослые мужчины, с оружием в руках, стреляют по городу не ради цели, а ради развлечения. Это не война, это издевательство. Это – презрение к жизни.

Мы решили вычислить источник. Самая высокая точка на нашей стороне – актовый зал на четвёртом этаже административного корпуса биохимзавода. Оттуда открывался вид на перекрёсток. Кто-то из ребят догадался: они видят нас с девятиэтажки напротив. Старший брат Сергея – Александр, вывез родителей, свою семью и жену Сергея с детьми в Одесскую область. Сам же сидеть сложа руки не смог, приехал к нам с подзорной трубой и как и все, взял ствол. Смотрим – на крыше, у лифтовой шахты, что-то происходит. Открывается дверь. Выходит



человек, в руках – какая-то трубка. Обходит лифтовую шахту. Через несколько секунд – глухой «бах». Мина.

Миномёт был небольшой, скорее всего, 50-миллиметровый. Но от этого не легче – даже такая «мелочь» могла зацепить и поджечь крышу, погубить людей. А они, судя по всему, стреляли между тостами. Просто ради процесса.

Логики мы не находили. Это уже не война – это хамство, издевательство, плевок в сторону всего человеческого.

У нас был пулемёт Калашникова – длинный ствол, большая дальность. В умелых руках – почти снайперка. Решили – по-пробуем достать этого урода. Стреляли долго. Попали или нет – неизвестно. Но на время всё стихло.

Потом они, видимо, разобрались, что кто-то целенаправленно по ним работает, и начали стрелять прицельно – по

биохимзаводу, по нашему корпусу. Как на ладони стояли мы у них.

Однажды одна из мин попала в актовый зал. Вспыхнула обивка кресел. До этого, от хаотичного обстрела, загорелись огромные кучи кукурузных кочерыжек на складе. Сухие, как порох, – вспыхнули моментально. Кто-то из наших вдруг сказал: «А рядом ведь ёмкости с аммиаком!» Мы тут же позвонили командованию. Подтвердили: если бы рвануло – погиб бы весь район. Трвануло бы всё живое.

Позвонили пожарным. Те сказали – нет техники. Всё сожгли. Машины выезжали на вызовы – их расстреливали в упор. Пожарные обещали приехать, если найдут, что восстановить.

Мы сидели в полугорящем здании, пытались тушить сами. Ни воды, ни шлангов. В кране – тонкая струйка, будто насмешка.

Одного из наших ранило в бедро. Потом ездил на перевязки. Сейчас еле ходит.



Так и жили – как в дурном сне. Пока не пришло небольшое подкрепление – человек пятнадцать. Мы смогли хоть немногого отдохнуть. Территория огромная, каждый угол надо было держать. Кругом – жилые дома, хлебозавод, молочный. Люди вставали в очередь с утра, шли за хлебом, за молоком. Мы в ту сторону не стреляли. Ну как стрелять, если там моя мама?

А с их стороны, как темнело – так и начиналась пальба. Ночью – особенно. Будто тьма вызывала в них зверя.

Нам потом говорили: «Наверняка вы тоже стреляли». А я им бетонные фонарные столбы показывал. С нашей стороны – ни одной щербинки. А с их позиций – сотни сколов от пуль...

Так продолжалось до трёх утра. Потом – тишина. Словно сговаривались.

Со временем румыны совсем обнаглели. Окопались у перекрёзда, разгуливали, как у себя дома. Солнышко светит – они загорают. Наши терпели, но время от времени выходили на «кохоту» – напоминали, что война – не пляж.

Телефон работал. Мы решили позвонить на кинопрокат, где засели они. Кто-то из наших, с чувством юмора, набрал номер:

- Ну что, мужики, сдаваться будете?
- Кто это?
- Мы. Ополченцы. Напротив вас. Вы чего сюда пришли?
- Нам приказали. Мы за конституционную целостность...
- Какую, к чёрту, целостность? Страны нет. Вы зачем людей убиваете?

Потом пошутили:

- Сейчас начнётся наступление. Подходят казаки. Когда скажем «бегите» – бегите. Казаки отрежут уши.

Те явно были селяне, не профессионалы. Говорили: «Мы тут сидим, нас послали, сами не рады...».

Глава 20. По следам крови

Пополнение пришло в начале июля. Новички были молчаливы, насторожены – война ещё не вжилась в их кости. Мы решили: пора сменить дислокацию. Наша новая точка – двухэтажное здание трикотажной мастерской при городском доме быта. Стояло оно чуть в глубине двора, как бы в тени – тихое, незаметное, но в выгодной позиции. Если кто-то захочет прорываться – сперва ему придётся прогрызть зубами защиту биохима, а только потом он попадёт под наш огонь. Это была не просто перестановка – это была шахматная рокировка. И, как нам казалось, выигрышная.

Первый этаж мастерской напоминал музей мирной жизни. Светлый зал, аккуратные витрины, манекены в платьях и юбках, яркие этикетки – всё дышало эстетикой и чистотой. Образцы одежды висели стройными рядами – в прежние времена по ним горожане заказывали одежду. Война не успела стереть запах духов и утюга.

Но уже на следующее утро я заметил, что один манекен опустел. Исчезла то ли юбка, то ли платье – и сразу что-то защемило внутри. Мы с Серёгой собрали всех наших и выступили, как коменданты.

— Мужики, – говорю, – давайте не будем начинать с воровства. Люди это всё своими руками делали. А мы теперь растаскивать будем?

Кое-кто отвёл взгляд. Вечером, видно, когда скука стала сильнее совести, кто-то снял приглянувшееся платье и обменял его на бутылку. Мелко. Противно.

Мы нашли служебный телефон, вызвали директора мастерской. Женщина приехала быстро – сама, без охраны. За-



Сергей Филиппов



Евгений Яшин и Игорь Жигорев

Бендеры: розы в крови...



Игорь Аладин



Руслан Зайцев и Евгений Яшин



Сергей Головань



Аркадий Полищук и Сергей Филиппов

брала из сейфа почти сто тысяч рублей и сняла вещи с выставки. Всё делала молча, аккуратно, без упрёков – но глаза у неё были такие, будто она хоронит не экспозицию, а часть своей жизни.

С бойцами мы тогда поговорили строго. Без крика. Просто напомнили, кто мы есть и зачем сюда пришли.

В одну из ночей, когда город был тише, чем мёртвое поле, мы с Сергеем сидели на посту, подзорную трубу не выпускали из рук. Глаза слезились от напряжения – казалось, мы смотрим не в трубу, а в саму тьму. Вдруг замечаем: вдоль забора молочного комбината крадутся двое. Тени, пригнувшись к земле, как звери. Не наши – это точно. Наши предупреждали бы.

Пулемётчик наш – сибиряк, охотник – метко стрелял. Выстрелил – и один из тех упал, схватившись за живот. Сначала тишина. Потом – крик, хриплый, режущий:

– Добейте... прошу...

Но мы не пошли. В темноте лезть – это самоубийство. Ждали рассвета.

Когда небо посерело, позвонили на биохим: «Своих не трогайте, выходим». Это было у нас строго – если выход, то днём и только с уведомлением.

На месте никого уже не было. Второй, видимо, утащил раненого. По тёмным следам крови стало ясно – волокли через частный сектор. Мы увидели на одной дверной ручке кровь, потом на другой – видимо, стучали в дома и просили пустить. Но люди, которых мы спрашивали, сказали, что никого к себе не впускали и никого не видели.

В одном из домов открыла женщина. На вопрос – был ли кто – ответила просто:

– Никого не было. А если бы и были – вам бы я не сказала.

Мы переглянулись. Вот дурочка. Неужели мы просто такходим по дворам?

Обыскивали всё – пусто. След оборвался, как нить.

А потом, уже сидя на ступенях, закуривая молча, Сергей сказал:

– Если она и помогла ему... может, и правильно. Раз помогла – значит, были не звери.

В этой войне мы не искали врагов, чтобы ненавидеть. Мы не строили на злобе ни позиций, ни убеждений. Просто всё расставлялось само собой. Были люди – настоящие, крепкие, с душой. Были командиры, которым нравилось раздавать приказы, как кнуты. Были мародёры, мелкие уроды, что прятали бутылки под чужими платьями.

А были и те, кто открывал дверь раненому. И пусть даже врагу. Но по-человечески.

Позже, на том месте, куда стрелял наш товарищ-пулемётчик, мы обнаружили противотанковую мину, которая сверху была прикрыта автомобильной покрышкой, а под ней была ещё и противопехотная мина. А как раз на то место каждое утро приезжала хлебовозка. Пришлось тогда отводить людей оттуда. А люди и так были в панике, что не хватит хлеба и молока, а тут ещё мы с сапёрами... Но взрыв был такой силы, что в соседних домах повылетали окна! Воздух стал густым, пахло гарью и металлом. Война ещё не ушла, она просто затаилась...

Глава 21. **На чужой каравай рот не разевай**

Однажды, после обеда – а кормились мы тогда в заводской столовой «Прибора» – возвращаемся, и вдруг замечаем неладное. Возле хлебовозки, где каждый день выстраивалась немалая очередь за хлебом, столпотворение. Несколько мужиков в тельняшках и армейских кепках, не местные, это сразу видно, расталкивают людей, лезут без очереди прямо к прилавку. Надо сказать, что сюда за хлебом люди приходили со всех концов города, приходили и с близлежащего микрорайона Ленинский, занятого врагом, надо было перейти через железнодорожный переезд, где хозяйничали прорумынские солдаты, всё это очень близко, перешёл через переезд, и в 100 метрах ворота молокозавода и впритык ворота, где шла выдача хлеба.

А хлеб тогда – сам понимаешь, на вес золота. Очередь стояла, пока весь не разберут. Женщины, старики, да и мы, бойцы, всё понимали: нормальный человек, тем более наш, не будет вперёд лезть, отталкивать женщин, понимая, что хлеба остаётся не так много и лишнего не будет.

Смотрим – а эти нагло прут вперёд, плечами толкают, руками отталкивают. И тут кто-то из наших, дежурный у бетонных блоков, прибегает и докладывает:

– Командир, это не наши. С той стороны пришли. Спецом, как видно, сунулись.

У нас всё видно – с третьего этажа и с крыши. Только те начали пятиться, побежали, – и стало ясно: чужие. Какого, спрашивается, хрена – лезут за нашим хлебом, да ещё без стыда, без очереди, как будто не война, а ярмарка в мирное время.

Мы не раздумывали. Дали по ним со всех стволов. Те кинулись к мосту – это небольшой мост через подъездные пути, проложенные к биохимзаводу для подвоза сырья. Несколько пуль нашли своих адресатов. Бойцы с химзавода тоже не отставали, прочесали их очередью вдогон.

Но не успели мы перевести дух, как из-под моста вдруг – хлесткий автоматный огонь по нашим позициям. Они раньше так близко не подбирались. И тут же – рёв мотора: с их стороны двигается МТЛБ с пулемётом. Перемахивает мост и бьёт по административному зданию химзавода. Завязался полноценный бой. Земля вздрогнула под ногами, стены дрожали от разрывов.

Мы с Сергеем поняли: они окопались под мостом. Там – тупик. Ни гранатой не добросить, ни пулей не достать. Укрытие у них – идеальное. Кажется, сидит там целая рота.

Сергей выскочил во двор, обернулся и закричал:
– Муху! Сбрось «Муху»!

Я был на втором этаже. Схватил гранатомёт, перекинул через подоконник. Но неудачно – он глухо шмякнулся о землю и разложить его стало невозможно, заклинило что-то. Я бросился вниз, вместе кое-как справили, руки дрожат – а время идёт, машина уже почти в упор подъехала. Сергей вскинул гранатомёт – выстрел.

Граната прожгла броню МТЛБ. Из корпуса пошёл дым. МТЛБ загорелся, когда переезжал через переезд и заглох сразу за ним, а бой уже разгорелся не на шутку.

А мы тем временем продолжали бить по тем, кто укрылся под мостом. Из подствольников, с гранатомёта – туда, где раньше ни один снаряд не ложился.

Позже, после окончания стрельбы, подъехал Никифор Северин – это человек-легенда. Его называли в городе «ХАРОН». Он как древнегреческий персонаж, на небольшом

тракторе с кузовом, ездил по городу и собирал трупы погибших людей. Его трактор, с прикреплённым к нему белым с красным крестом флагом, не трогал никто, в него не стреляла ни одна сторона, он увозил в последний путь и одних и других. Именно этот человек, в сорокоградусную жару, почти в одиночку, курсировал по городу, собирая на его улицах погибших, тем самым, спасая город от эпидемии.



Никифор сказал тогда, что под мостом лежало семеро. Не повезло любителям халевного хлеба.

Сергей, закурив и глядя, как дым от МТЛБ ползёт к облакам, только махнул рукой:

– На чужой каравай рот не разевай...

Так и шли дни. Ждали мы, что противник пойдёт в наступление – но он не шёл. Видимо, хлеб оказался дорогим, не по зубам.

Глава 22. Пропавшие бойцы

Война – это не только стрельба. Есть в ней истории, о которых не кричат. Только шепчутся где-то между собой, потому что слишком много в них непонятного, слишком опасно напрямую сказать. Одна такая история – про командира республиканской гвардии Юрия Костенко. Фигура он – странная, двойственная. Герой ли, палач ли – никто точно не знал. А может, и то, и другое сразу.

Тогда шли переговоры. Миротворцы ещё не вошли, но уже что-то двигалось. Неожиданно – с подачи сверху – стали ставить наблюдательные посты от 14-й армии. На нашу сторону вдруг перекатились несколько БТРов. И с того дня – как по часам – через наши позиции шнырял пятитонный «Урал», бензовоз. То бензин, то солярка. Приказ – пропускать. Нам сразу показалось – мутно. Откуда такая жажда горючего, если техника на месте стоит? Куда всё это идёт?

Сергей – он предприниматель был, не дурак – прищурился и говорит:

– Слушай, да здесь явно бензин сливают, кому война, а кому кормушка.

Я кивнул. Спросили у командования – ответ холодный:

– Из комендатуры звонили, велели не трогать.

Тогда мы с Сергеем решили поехать к самому Костенко. Сергей его знал – у него до войны цех был, водосточные трубы делал, жестянку. Приехали. Костенко выходит с охраной. По лицу – ничего не прочтёшь.

– Серёга, оно тебе надо? – спрашивает. – Заправлять БТРы надо.

– Но они же стоят, – отвечает тот.

— Не твоего ума дело. Это военно-стратегическая задача. — и уходит.

Ладно, вмешиваться не стали.

А вот в другую историю вмешаться пришлось...

Из нашей группы исчезли двое. Молодые ребята. Жили на Протягайловке, приезжали к нам на своей оранжевой «тройке» — продукты привозили, помогали. И вдруг — ни их, ни машины. Пропали.

Саша, наш товарищ, раненый — на перевязки ходил — както возвращался мимо комендатуры и увидел ту самую «тройку». Возле неё копошится какой-то комендатурский. Машина открыта. Саша подошёл:

— Где ребята?

Тот отмолчался. Саша вернулся, рассказал. Мы с Сергеем снова — к Костенко.

На этот раз он был у музея, возле гаражей. Мы подошли:

— Юра, пропали двое наших. А их машина у вас. Где они?

Он пожал плечами:

— Я не знаю. Я тут ни при чём.

— Как ни при чём? Это наши бойцы. Должны быть какие-то записи.

Он кому-то велел проверить. Тот вернулся:

— Увезли в Тирасполь, выясняют.

— А почему нас не спросили? Мы же за них отвечаем! — Сергей кипел.

— Да тут каждый день столько народу проходит, — Костенко отмахнулся. — Может, и выяснят, кто они.

Мы предложили:

— Давай номер в Тирасполе, мы сами поедем, заберём.

Он кивнул:

— Хорошо. Разберёмся.

Но прошёл день. Потом второй. Тишина. Появилось чувство – нехорошее. Начали говорить с людьми – в городе уже пропадали предприниматели. И, говорят, след вёл... всё к тому же Костенко.

Мы пошли к Василию Калько. Он тогда в здании бывшего МГБ на Шестакова работал. Уже тогда – по делам прав человека. Людей у него всегда было много.

Рассказали всё, как есть. Калько нахмурился:

– На Костенко жалоб – полгорода. Давайте фамилии. Я передам в Тирасполь, пусть ищут.

Через день – ответ. В Тирасполе никто с такими фамилиями не числился. Никто их не привозил. Никто их не знал. Мы были в ярости!

Я сам своих ребят тогда отчитывал, когда они какую-то юбку, найденную, променяли на банку тушёнки. А тут – людей прячут, будто не люди вовсе. Мы решили: надо действовать.

Собрали оружие. Всё спланировали: у нас был автобус от «Прибора». Десять человек, всё по-взрослому. Я – с гранатомётом. Серёга – переговорщик. Если что – он бросает гранату, выпрыгивает в окно. Мы заходим, всех кладем.

Подъехали к комендатуре. Перед ней лежало дерево – сели, как будто просто отдыхаем. Серёга пошёл внутрь.

– Костенко – ты что, хочешь тут остаться?

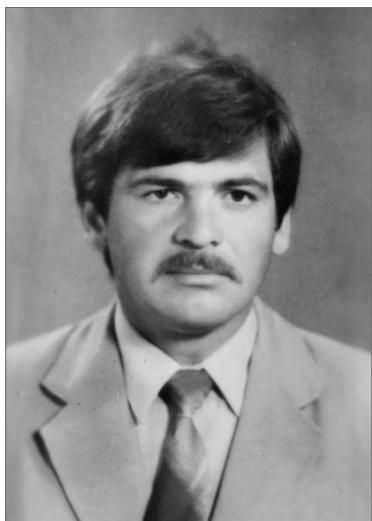
Сергей ему посоветовал выглянуть в окно. После увиденного Костенко понял: мы готовы на всё. У него – три человека. У нас – целая группа и мы не шутим. Тон разговора сразу изменился. Потом Сергей вышел, покурил и говорит:

– Сказал, что ребята живы. Что мы просто не там ищем. Что скоро всё выяснится.

Костенко понял: мы готовы на всё.



Король
Юрий Михайлович



Попушой
Валентин Христофорович

Но и на завтра ничего не выяснилось. Через несколько дней их нашли. Возле Днестра. Закапанных. С руками, скрученными проволокой. Расстрелянных. Две недели пролежали в земле.

А Костенко уже тогда, говорили, начал употреблять. Но был командиром. Героем. Все закрывали глаза. А потом он закрылся в 8-й школе со своими семью или восемью людьми. Его уговаривали выйти. Привезли мать. Сослуживцы приходили. В конце концов он сдался – не хотел, чтобы всю его группу положили. Остался один. Его взял спецназ.

Так закончилась ещё одна история. История, где война – не только фронт. Где враг – не всегда по ту сторону. Где человек может пропасть среди своих. Без вести. Навсегда.

Глава 23. Корреспонденты

Под конец войны, когда пыль ещё висела в воздухе, а тишина казалась временной, к нам затесались корреспонденты. Один – из Голландии, русский знал слабо, другой – матёрый московский фотокор с лицом, которое уже ничем не удивишь.

Показали документы.

– Можно, побудем с вами, поснимаем?

Фотограф из Москвы отработал день – и исчез. Понял: ловить тут уже нечего, война скатывается в осадок. А вот голландец остался. Вздрагивал от каждого хлопка, смотрел по сторонам, будто могучая беда всё ещё прячется в тени. Он никак не мог понять – почему с наступлением вечера снова гремит стрельба? Ведь наверху, на самом верху, договаривались о перемирии, о прекращении огня... Он был среди нас, видел своими глазами – мы не стреляем. А оттуда, с противоположной стороны, били ожесточённо, уверенно, будто никакого перемирия и в помине не было.

Мы сами не могли толком объяснить ему, кто эти провокаторы, кто продолжает разжигать, когда простые люди давно мечтают только об одном – о тишине. Лишь разводили руками: «Это, брат, – geopolитика...».

Голландца определили в комнату, где когда-то работал художник. Там – картины, плакаты, запах краски и тишина, которая уже сама была защищой. Назначили за ним пригляд: вдруг споткнётся и упадёт – потом будем иметь неприятности, скажут, что мы пытали и били журналиста.

А тут, вдруг, ещё пришла моя мама. Я ей позвонил – мол, я вот тут воюю, за углом. И она пришла. А она у меня всю жизнь работала преподавателем английского языка в технику-

ме лёгкой промышленности, свободно говорила по-английски, жила два года в Америке, у неё там куча друзей. Смотрим, через пару минут, она уже беседует с корреспондентом, будто в лондонском кафе. Он у неё интервью берёт, записывает, улыбается. Мы каску на него надели – не столько для защиты, сколько чтобы не так глупо смотрелся рядом с ней.

На войне без юмора – никак

Юмор спасал нас. Он – как противоядие от безумия.

К нам прибилась дворняжка – ушастая, глазастая, мелкая, но смывшлённая. Окончание войны мы встречали там же, в здании трикотажного ателье. Там оставались швейные машинки, нитки, ткань. Среди бойцов – парнишка Олег Зайцев, после срочной службы, руки золотые. Он и сшил собаке бронежилет. Из капюшона маскхалата! Нашил на него флаг ПМР, сделал кармашки для магазинов и гранат. Боец на четырех лапах, да и только! Смех и грех.

Вскоре нам объявили, что всё заканчивается и уже идут переговоры, по нашему телефону позвонили наши противники, которые размещались в здании кинопроката. Нам предложили:

– Ребята, прекращаем стрелять – и вы, и мы.

Мы ответили, что проблем нет, согласовали этот вопрос с командованием.

Договорились встретиться и обсудить детали на мосту через переезд.

– А вдруг вы стрелять начнёте? – спросили нас с недоверием.

Серегей ответил:

– Я сейчас раздеваюсь до трусов, выхожу на мост и жду там. Чтобы вы не сомневались.

Действительно – вышел в плавках, без оружия, босиком по раскалённому асфальту пошёл на мост, как знак доверия. Встал на середине, один. Мы в это время следили, приглядывали, но не вмешивались. Встреча прошла спокойно, коротко переговорили. После этого решено было продолжить разговор на нейтральной территории – в бане на заводе «Прибор». Там раньше рабочие мылись, теперь же – переговорная площадка.

У входа переговорщиков встретил Олег Зайцев с экипированной собачкой на поводке.

Подвели их к проходной, навстречу вышел наш командир Ишков. Поговорили, искупались, выпили по стакану вина. Не для пьянки – для человеческого слова. Говорили спокойно, без крика и угроз. Всё уже надоело – и им, и нам. А в углу, свернувшись клубочком, дремала Муха – в разгрузке, с нашивкой. Как символ этой странной, усталой войны.



Прощай, оружие

Первого августа пришёл приказ: сдать оружие.

Без лишних слов. Без героизма. Просто – всё, хватит. И в этой сухой фразе слышалось не облегчение, а усталость, накопленная за месяцы. Та, что сковала кости, выжгла нервы, высушила сердца.

Мы вытащили ящики с патронами, сложили автоматы в пирамиду. Всё – разряжено. Всё – как положено. Руки делали своё, глаза почти не моргали. Больше не было ярости. Не было азарта. Даже страха не осталось.

Осталась пустота.

Мы стояли молча, как на прощании с кем-то близким. Только не с человеком – с собой прежним. С тем, кто смеялся, кто жил, кто не знал, как пахнет горелая плоть.

Один выстрел всё же случился – автомат не стоял на предохранителе. Пуля прошла мимо. Никто не дёрнулся. Даже не удивился.

Просто переглянулись.

Будто это обычное дело – как зевнуть.

Только взгляды – тяжёлые, молчаливые. Как будто это давно стало нормой. Как будто даже смерть уже ничем не удивляет.

Мы разошлись по домам. Но дом не стал домом.

Он просто был местом, где стены не рушатся от взрывов.

Дома я установил решётки на окна.

Долгое время у меня под кроватью лежала граната.

На всякий случай. Тогда много оружия гуляло, и мы знали: война кончается на бумаге, но не в головах.

Мы возвращались в мир, в котором нас как будто и не ждали.

А главное – не понимали.

Мы знали: оружие можно сложить.

А вот войну – нет.

Она осталась.

С нами. В нас. Навсегда.

Глава 24. Чертат

Бендеры всегда был особым городом. Здесь улицы пахли черешней и печёным хлебом. Здесь в июне расцветали розы так щедро, что казалось – сама земля улыбается.



Здесь никто не делил людей по фамилиям или акценту. Русские, украинцы, молдаване, евреи, болгары, белорусы, немцы – все жили вместе. Не рядом – вместе. Ссорились. Мирились. Помогали. Жили, как одна большая семья.

А потом в эту семью пришла война. Не снаружи. Она пришла изнутри – по тем же дорогам, по которым когда-то детишли в школу. Пришла – и начала ломать не стены, а души.

Разрывать связи. Вырывать с корнем самое святое – доверие, братство, родство.

Эта война была братоубийственной. Не та, что чужая. Не та, что далеко. А своя. Родная. В подвале. Во дворе. За стеной. Та, где брата внезапно называют «врагом». Где сын стреляет по отцу. Где сосед – вдруг предатель. Где кровь на руках – не чужая, а та, с которой ты рос.

В этой книге часто звучит слово «румын». Но я говорю это не о нации. Не о языке. Я говорю это о человеке, который выбрал тьму. О том, кто пришёл не защищать, а грабить. О том, кто был прикладом безоружных, кто вёл огонь по окнам, за которыми плакали дети. Он мог быть русским. Или украинцем. Или молдаванином. Неважно. Он был – не человеком.

А рядом со мной в ту страшную пору стояли те же – русские, украинцы, молдаване, евреи – люди. Настоящие.

Те, кто выбрал свет. Те, кто не предал.

Они прикрывали спину, делились последним хлебом, не спрашивая: «Ты откуда?»

Им было всё равно, где родился – главное, ради чего ты встал рядом с ними.

Вот и думай, где та граница, что превращает человека в зверя. Или наоборот – делает героем. Ведь не в паспорте же она. Она – в сердце. В выборе. В том, как ты держишь оружие – и против кого.

Говорят, время лечит. Но есть раны, которые не поддаются времени. Есть поступки, которые невозможно стереть. И есть память – упрямая, как трава сквозь бетон. Она будет жить, пока жив хоть один, кто помнит.

Я не писал эту книгу ради наград. Я писал её ради тех, кто стоял рядом. Ради тех, кто не вернулся. Ради тех, кто,

может быть, и не знал, что стал героем. Просто делал, что считал правильным. Теперь я знаю: не бывает чужой войны. И не бывает случайных героев. Каждый – делает свой выбор. Каждый оставляет след. Каждый сам чертит ту самую черту.

Эпилог

Эта книга – не о подвигах, которыми удобно гордиться с трибуны.

Не о выверенных датах и фамилиях, не о парадных маршах и боевых наградах.

Это – правда, какая она есть. Горькая, упрямая, обнажённая.

О тех, кто был рядом.

О том, как это было на самом деле.

Война длилась всего сорок дней.

Но этого хватило, чтобы переломать тысячи судеб.

Хватило, чтобы одни стали навсегда молчаливыми лицами на граните, а другие – так и не смогли до конца вернуться с той стороны жизни.

Тогда всё было понятно: враг пришёл в наш город – а мы его защищили.

Чёрное и белое.

Добро и зло.

Мы – и они.

Но со временем всё меняется.

Правду стараются забыть, вытеснить, переписать.

Нас тоже попытались стереть – из списков, из памяти.

Но мы вернулись.

Чтобы просто вспомнить.

Чтобы сказать: **мы были.**

Это уже потом, спустя годы, мы восстановили список добровольцев. Через архивы, через военкоматы, по крупицам...

А тогда, девятнадцатого июня, спустя год после тех событий, мы снова пришли к исполкому...

Без автоматов. Без злобы. Просто пришли помолчать, положить цветы.

Нас не пустили. Нас просто вытолкали за порог здания, которое мы когда-то отстояли с оружием в руках.

Нас – тех, кого не смогла выбить даже вражеская бронетехника.

Ребята молча ушли. Не злились – горели.

Тогда мы поняли: наша память – наша ответственность.

Если не расскажем мы – расскажут другие. По-другому. Под себя.

С тех пор, каждый год, девятнадцатого июня, тысячи людей идут к мемориалу «Бендерской трагедии».

Приходят с детьми. С розами.

Розы – как символ нашего города, жизни, пролитой крови и вечной благодарности.

Красные лепестки ложатся на холодный камень, словно живые сердца.

И пока они там – мы есть.

Пусть не все получили медали.

Пусть не всех признали.

Зато мы знаем, ради чего стояли.

И ради кого.

Мы помним.

И не позволим забыть.

Бендеры: розы в крови...



Въездной знак в г. Бендеры со стороны Кишинёва



На Мемориале Памяти и Скорби в г. Бендеры
установлена БМП-1П

Содержание

Пролог	3
Глава 1. Оборона исполкома	4
Глава 2. Патруль в засаде	7
Глава 3. Мужик на БАТе	9
Глава 4. Три десятка добровольцев	13
Глава 5. Первая потеря	16
Глава 6. «Сейчас повоюю – и приду»	21
Глава 7. Гранатомёт	25
Глава 8. Средство от контузии	29
Глава 9. Российский флаг на антенне танка	33
Глава 10. Новая дислокация	37
Глава 11. Война и люди	41
Глава 12. Чей приказ?	44
Глава 13. Колонна в никуда	46
Глава 14. Поворачиваем назад	50
Глава 15. Расстрел колонны гвардии	54
Глава 16. Снова в Бендерах	57

Бендеры: розы в крови...

Глава 17. Люди покидают город	61
Глава 18. Второй батальон ополчения	66
Глава 19. Откуда бьёт миномёт	70
Глава 20. По следам крови	74
Глава 21. На чужой каравай рот не разевай	80
Глава 22. Пропавшие бойцы	83
Глава 23. Корреспонденты	87
Глава 24. Черта	91
Эпилог	94

Литературно-художественное издание

Бендеры: розы в крови...

Редактор: М. Дружинина

Корректор: С. Хромых

Компьютерный дизайн: М. Грибиненко

Дизайн обложки: А. Гладкая

Подписано в печать 10.06.2025. Формат 60 x 84 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура FuturaBookCTT.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,81. Тираж 200 экз. Заказ № 970.

Отпечатано на ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист»
Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций ПМР,
3200, г. Бендери, ул. Пушкина, 52.